

18+

Олег Демин

ВИБРАЦИЯ



Олег Демин

Вибрация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623547

ISBN 9785449684370

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. История молодого парня, спасающегося от неприятностей, и старого служака, который пытается ему помочь. Методы у обоих странные. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЖИВОПИСЬ	5
МУЗЫКА	12
Часть первая. ИСТОРИЯ НАУКИ	29
Глава 1	30
Глава 2	47
Глава 3	79
Глава 4	102
Глава 5	107
Глава 6	127
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Вибрация

Олег Демин

При участии Сергея Лихолитова

Многие книги начинаются с осторожных высказываний о том, что все в них вымышлено, а совпадения случайны. С этой историей все ровно наоборот – несмотря на кажущуюся неправду, она основана на реалиях. Единственное, что сознательно искажено – информация о стратегически важных объектах.

Безопасность прежде всего.

Редактор Надежда Залина

© Олег Демин, 2020

ISBN 978-5-4496-8437-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЖИВОПИСЬ

Синий, красный, желтый, зеленый... – цвета на картинах зашкаливали. Петербург на них выглядел ярким и красочным, словно какой-нибудь город-курорт. Не хватало разве что пляжей и пальм с обезьянами.

Зато были парки, Нева и набережные – гранитные, строгие и с Медным всадником. Как и оранжевая золотая осень.

Но пока эта красота отдыхала. С утра посетителей не было. Лишь один иностранец, да и тот рассматривал картины без интереса. Продавцы, скучающие у стеллажей с холстами и рамами, тут же отметили – это не покупатель.

Они были правы. Человек, приехавший из Антверпена, за несколько дней в Петербурге не озаботил себя даже сувениром. Сюда, на уличный вернисаж, он заглянул с единственной целью – увидеть работы, с которыми не стоит связываться. Он любил живопись, но ненавидел тираж. Здесь же, на Невском, продавались картины, повторяемые едва ли не сотню раз каждая.

Трудно сказать, была ли во всем этом какая-то закономерность. Бельгийцы считались родоначальниками европейской живописи, но не разглядели в свое время Ваг Гога. Он учился в Брюсселе, потом в Антверпене, где проводил свои первые поиски, но тогда еще интереса не вызвал. Ни одной из ранних картин в Бельгии у него не купили. Возможно,

с тех пор на любителях живописи из этой страны лежала незримая обязанность – всматриваться в любую, пусть даже кажущуюся незначительной работу. Мало ли.

Вернисаж ничем особенным не удивил. Глянцевые пейзажи в блескучих рамах занимали здесь главное место. То же относилось и к жанру – он выставлялся грудой и скорее как дань. Чему именно, можно было только гадать. Наверное, несовершенству разума, не понимающего, что такое масло и холст. Последнее, к счастью, присутствовало – в закутках составленных крест-накрест стендов пока еще попадалось что-то из настоящего. Чаще всего это были небольшие работы, поверхностные по технике и без рам. Останавливать взгляд удавалось только на них.

Осмотрев последний стеллаж, иностранец собрался уходить, но передумал. Двое беседующих неподалеку мужчин отчего-то заставили задержаться. Один из них, высокий брюнет с усами и шевелюрой, всем своим видом напрашивался на внимание. Но привлекал не он, а второй. Среднего роста, в берете, очках – он держал в руках только что принесенную работу. Глядя на которую усач сочувственно улыбался.

– Разрешите? – иностранец приблизился.

Холст-масло, примерно 70 на 50. Абстракция.

Он не любил абстрактную живопись. Отдавал ей должное, как некоему странному абсолюту, но не более. Эта же чем-то привлекала. Взглянув на автора (а человек в берете мог быть лишь автором), бельгиец прислонил холст к стоящему

неподалеку ящику.

На расстоянии картина не просто нравилась, а казалась смутно знакомой. Серый фон, пересеченный диагональю, переходящий в пастозно-зеленую размытость. И внутри движение силуэтов и пятен, где-то ярких, где-то почти не цветных.

– Сколько?

– Сто пятьдесят.

Усач неодобрительно хмыкнул. Только что на собрании обсуждали борьбу со снижением цен, и на тебе...

– Хорошо, – бельгиец отсчитал сто пятьдесят евро.

Ничего хорошего, – подумал он. Планы на день менялись. Таскаться по городу с картиной не получалось, придется вернуться в гостиницу. На Сердобольскую, наверное, завтра.

На Сердобольскую. Помогая упаковывать работу, он потянул вдруг ее обратно. Так и есть. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять – на картине вид из окна на Сердобольской. Дома, в котором он жил – до того как уехать, стать русским бельгийцем, потом сменить фамилию и сделаться бельгийцем окончательно.

Слева насыпь, справа парк. Посередине колодец, через который проскакивают машины и люди. И он – сидящий у окна после двухчасовой долбежки пианино, мечтающий убежать из этого места и забыть навсегда.

Чтобы потом, как выяснилось, помнить о нем всю жизнь.

Художник помог затолкать картину в пакет. Пожал руку расчувствовавшемуся отчего-то покупателя, кивнул усатому и направился в сторону Литейного проспекта.

День начинался удачно.

Двое зевак, маявшихся у остановки, передумали вдруг садиться в троллейбус.

– Наш? – один из них, тот, что выше, говорил в необычной манере: будто сквозь зубы и скручивая голову.

– А то, – согласился второй. – Малевич.

– Откуда знаешь? – поинтересовался первый.

– Я в художке учился.

– С этим?

– Нет, с Кандинским. Пошли.

Они двинули следом.

Куда направлялся художник, понять было сложно. Дойдя до Литейного, он свернул и дальше шел по прямой. Манера передвижения его была раздражающей. Замедлялся он исключительно в людных местах, а там, где возникали пустоты, переходил на незаметную для стороннего глаза прыть. Движения были не быстрыми, но сутулая фигура его, казавшаяся только что рядом, начинала вдруг удаляться.

Подходить и знакомиться каждый раз было поздно.

Любители живописи, следовавшие за художником с остановки, уже начинали злиться. Приближалось то, чего им

хотелось меньше всего. Высокий крутанул головой. Движение, за которое его звали Шнуром, переставало быть произвольным. Его действительно начинало слегка покручивать. Симптомов второго никто не знал. Кличка Голубь, которую он получил еще в детстве, подразумевала скрытность и дружелюбие, которого, впрочем, никто в нем не видел.

– Шнур?

– А?

– А родственник твой – все поет?

– Какой?

– Который Шнур...

Шнур не ответил. Шутка была старая, но он на нее всегда попадался. Родственник, которого ему приплетали, вызывал последнее время назойливое любопытство, переходящее в раздражение. Чтобы прояснить ситуацию, один раз он даже пошел на концерт известного тезки. Но по пути деньги кончились, а главное, он забыл, куда шел.

Идти становилось сложнее, а связь пространства и времени менялась. Они не заметили, как пересекли мост и оказались возле развилки трамваев. Художник, обнаружившись в отдалении, сел в один из них.

Они побежали, не обращая внимания, что трамвай отходит. Он удалялся...

...медленно...

...приобретая цвет и увеличиваясь в размерах...

...красная железная субстанция.

Очнулись уже в вагоне. Как они туда попали – добежав до следующей остановки, или трамвай сам вобрал их в себя, в памяти не отложилось.

К ним подошла женщина в оранжевом жилете и предложила билеты. Они ее не заметили. Оба смотрели на спину сидящего впереди человека в берете. С каждой проезжаемой остановкой, на которой он почему-то не выходил, они все больше ненавидели изобразительное искусство.

– Улица Сердобольская, – объявило радио.

Спина с беретом поднялась и направилась к выходу. Они выпали следом. Дальше было уже не до осторожности. Произнеси сейчас кто-нибудь это слово, они бы его не поняли.

Главное было не останавливаться.

Они шли за двигающейся в такт спиной, на фоне которой приближалось большое обшарпанное здание. В середине дома огромным втягивающим провалом зиял проходной двор. Им было туда.

Что делать дальше, оба знали. Перед самой аркой Шнур побежал. Описав эллиптическую дугу, он с мимикой, достойной театра кабуки, будто бы что-то вспомнил и обернулся. Берет шел навстречу.

Теперь нужно было что-то спросить. Незначительное, но важное – такое, что должно отвлечь внимание незнакомца. Но что именно, он забыл. Он помнил только последнее – Голубь, когда сворачивали с Невского, предупреждал: не спрашивай то же, что в прошлый раз. А что он спрашивал

в прошлый раз?..

– ...Мужик...

Он вытянул руки и двинулся на человека в берете. Но почему-то прошел мимо. Его необъяснимым образом развернуло, после чего человек, оказавшийся рядом, внимательно посмотрел ему в глаза. А потом наступил на ногу и толкнул.

Раздался хруст. Шнур не сразу понял, что это ломается его собственная ступня. И сразу же появились огни.

В момент, когда спина его, руки и голова налетели на вытащившего НОЖ Голубя, он почувствовал боль. Но закричать не успел – боль была слишком парализующей, чтобы оставить что-то на крик. Вместо крика было другое. Огни, зародившись отдельными вспышками, стали складываться в орнамент. И он вдруг понял, что такое искусство. В чем его главная, ни с чем не сравнимая сила. Оно сильнее денег, страха и даже такой бесконечности, как наркотик. Любой кайф исчезает. Деньги кончаются, а если их много, владельцы их все равно когда-нибудь умирают.

Искусство же вечно. Оно всегда будет в выигрыше.

Прежде, чем потерять сознание, он увидел огромную разноцветную вспышку. Это была самая яркая и абстрактная живопись, которую он встречал когда-либо в жизни.

Потом ничего не стало.

МУЗЫКА

От судьбы не уйдешь.

Неизвестно, кто сказал это первым, но вердикт, прозвучав однажды, считается непререкаемым. На нем лежит печать вечной мудрости. Даже если находятся опровержения, обратной силы высказывание не имеет.

Доказательства обратному между тем всегда были и будут. Что бы ни говорили фаталисты и дураки, но судьбу изменить легко. Надо лишь думать, ничего не бояться и всегда стоять на своем. Три этих фактора – и жизнь не в чьих-то, а ваших руках.

Но на этом возможности не заканчиваются. Самое удивительное, если к имеющемуся добавить еще и фантазию. Тут уже открываются целые горизонты...

Впрочем, есть вероятность, что это тоже судьба.

Через несколько лет. Север.

– Наташа Панова! Наташа Панова, отвечай!..

Траулер малого класса «Наташа Панова» считался невезучим. Биография его, стандартная поначалу, с конца 90-х шла по замысловатой траектории. Напоминала она синусоиду, но настолько неправильную, словно рисовали ее на нетрез-

вую голову или во время качки.

Изношенный до крайности, он был единственным судном, которое удалось приватизировать не хозяевам флотилии, а одному из ее капитанов. Тут же и изгнанному за подобную наглость из всех промысловых контор.

Получилось это случайно. Траулер шел на списание, а других мест работы у капитана не было. Пришлось стать судовладельцем и начальником самому себе.

Независимость не так хороша, как кажется. Выяснилось это сразу – оплата стоянок, топлива и многое из того, что раньше не приходило в голову, стало вдруг главной заботой. Под мзду попадал даже сам лов рыбы. За все надо было платить. Так продолжалось годы. Время шло, а ничего не менялось. Намаявшись в полубраконьерах от всевозможных поборов, запретов и квот, капитан со временем загрустил. А загрустив, начал слегка попить. Неприятности от этого не исчезли, но видимость их уменьшалась. Не лучший, но выход. Только вот дозы и продолжительность приема на грудь каждый раз приходилось увеличивать.

Выручало это достаточно долго, но закончилось тем, чем и должно было – во время очередного ремонта капитан уже не просто поддал, а серьезно запил. А выйдя через пару недель на фарватер, обнаружил, что команда его работает на других судах.

Но сбежали не все, один человек все же остался. Причем из тех, кто производил не самое нужное впечатление – ра-

дист. Он был бестолков, неуклюж и носил очки. Во всем кроме радио проку от него было мало. Он даже по палубе не умел нормально ходить, не то что справляться со смежной работой, обычной на малых судах. Хотя радистом, надо признать, был от Бога: при поломке связи или другого электричества мог не только менять сторевшие блоки, но и проводить полноценный ремонт – по старинке, с паяльником и приборами. Заподозрить его в повышенной стойкости и прочих brutальных вещах как-то не приходило в голову. В жизни часто так и бывает – качества эти обнаруживаются у самых неожиданных людей.

И такого вот неожиданного обнаружил на судне мучающийся от похмелья капитан. Но это было еще не все. Радист не просто остался, как бесплатное приложение к покинутому кораблю. Именно он и придумал спасительную комбинацию, в результате которой траулер получил работу, команду и новое имя – «Наташа Панова».

Наташей Пановой звали бухгалтера военно-морской базы, находившейся неподалеку. Капитан, пересекавшийся в молодости с этой задорной женщиной, проникся ей в свое время настолько, что даже подумывал о неуставных отношениях. Остановило пылкие замыслы лишь чувство солидарности к ее мужу, такому же как и он мариману. Или что-то еще, он не помнил подробностей.

Вспомнить о тех временах заставил радист, задавший за ужином простецкий, казалось бы, вопрос:

– Нет ли у нас знакомых на военной базе?..

В ближайшие выходные, прихватив с собой коньяка и самый яркий из веников, продававшихся в цветочных рядах, капитан отправился к Пановой в гости, где весь день распевал с ней и ее мужем, здоровенным мичманом, ужасные морские песни.

Спевка закончилась удачно – в понедельник он уже подписывал у командира базы договор на поставку военным рыбы. А корабль в благодарность за спасение вместо безликого полустертого номера, служившего маскировкой для незаконного лова, получил имя, вызвавшее массу толков на берегу – «Наташа Панова».

Слухи, прочем, не имели отношения к действительности – фамилия, выведенная на борту, была у спасительницы траулера до замужества.

С тех пор их никто не трогал. Экипаж по совету все того же радиста набрали из итээров закрывшегося неподалеку завода. Бывшие инженеры оказались единственными, кто не гнул пальцы веером перед приемом на работу. Странность, которую капитан замечал в них и раньше. Почему эти люди никогда не стремились к заработкам, для него всегда оставалось загадкой. И жены у них были такими же...

Работники из новичков оказались что надо – малость чудаковатые, но покладистые, за деньгами действительно не гнались, любили природу и профессию схватывали не то чтобы на лету, скорей как-то по-своему, теоретически

что ли, но дело в общем двигалось. Настолько, что иногда даже удавалось поймать с ними рыбы. Вся эта публика так понравилась капитану, что позднее он взял двух совсем уж интеллигентов – филолога, чтобы ругаться с иностранными судами, и художника – корабль давно требовал покраски.

Последнее было ошибкой.

Художник оказался авангардистом, известным в узких кругах своей плодовитостью. С легкой руки этого гения судно за короткий срок приобрело такую раскраску, что не хватало только гирлянд на мачте.

Как на грех, на военной базе, где происходили художества, случилась в это время инспекция. Первое, что она увидела на сером фоне базы и столь же серых эсминцев – разукрашенный, как попугай, гражданский объект.

Командиру базы, человеку серьезному и не склонному к завихрениям, пришлось нести перед обалдевшим от увиденного адмиралом какую-то околесицу: первое, что пришло в голову – о празднике Нептуна в связи с юбилеем... и прочими днями Севера. Военные к подобным вещам привычны, у комбазы вышло довольно складно, и адмирал проглотил эту ахиною не морщась – за двадцать лет проверок слышал и не такое. Из любопытства он даже приблизился к разукрашенному кораблику. Но там уже были предупреждены, и с борта донеслось заунывное и нескладное:

– Возьмемся за руки друзья-а-а-а-а-а...

Адмирал поморщился от занудности гражданского бле-

нения и выяснять подробности не полез. На этом все обошлось. Но после отбытия инспекции комбазы лично проследил, чтобы траулер вышвырнули с территории, пообещав утопить его при первом же появлении на горизонте.

В течение месяца военные питались консервами и мерзлой картошкой. На деле обстояло не так, продукты в довольствии и магазине, конечно, были. Но морякам, а особенно их женам, привыкшим к дармовой рыбе, перемены пришлось не по вкусу. Загрустили даже приписанные к базе коты, понесшие главный урон в рационе и демонстративно преследовавшие командира своей прогрессирующей неухоженностью. Что, кстати, доказывало – у этих бестий определенно есть разум. Он и сам себя чувствовал не в своей тарелке. Но не шел на попятную и только закручивал гайки.

На базе царили уныние и дисциплина.

Но в одно прекрасное, а точнее промозглое утро из тумана проявился неказисто знакомый силуэт проштрафившегося траулера, который с поникшим видом стал подбираться к базе. Заинтригованная охрана его пропустила, он бочком проскользнул внутрь и причалил, сделав это особо сиротским образом, к самому дальнему краю. Также бочком с траулера на причал выволокли несколько ящиков рыбы, после чего команда ретировалась обратно.

Комбазы, вытащенный из постели при появлении пришельца, подошел к сходням.

– Что прячешься, выходи! – голос его не предвещал ничего хорошего.

Капитан вышел, почему-то вместе с художником. Комбазы глянул на составленные друг на друга ящики. В верхнем был палтус.

Бросалось в глаза, что художник демонстративно пострижен под психически нормального человека, а корабль покрашен хоть и некачественной, но подчеркнута серой краской. Стоявший на борту этого недоразумения капитан выглядел кроткой овцой.

– Дать бы тебе по морде, – проворчал комбазы, – да пулю на тебя тратить жалко.

Так они помирились.

Дальше все шло нормально. Траулер под завистливые взгляды конкурентов ловил рыбу где попало и как попало, нарушая все выстроенные чиновниками квоты. А военные эту рыбу ели.

Зарплату на судне как-то все больше не получали. Военные не любили расставаться с деньгами и расплачивались чем угодно – бесплатным ремонтом, продуктами, топливом и разрешением лова в закрытой зоне.

Самое странное, что никто в команде по этому поводу не роптал. Скорее наоборот: воспользовавшись неплатежами, бывшие инженеры предложили вдруг ловить рыбу пореже. В пределах, что называется, надобности – на прокорм себе и военным да на продажу по мелочи. В оставшееся время

(тут капитан их не сразу и понял) они хотели вроде бы как путешествовать. Для начала по местным широтам: с блужданием по шхерам, заливам и посещением островов. Соблазняя при этом совершенно наивными вещами, которые, вероятно, считали романтикой. Природа и все такое...

Возражений в общем-то не было. Траулер, размерами подходящий на сейнер и даже шхуну, из-за малой посадки мог добираться до большинства островов, где и проходили теперь стоянки, изучение ландшафта и беседы под алкоголь на заумные темы. Дошло до того, что часть команды увлеклась совсем уж абсурдным для промысловиков занятием – рыбалкой на удочку.

Капитан, начинавший к тому времени слегка свихиваться под воздействием экипажа, соглашался с любыми новшествами.

Последнее из них привело к ЧП.

Радист в событиях не участвовал и обычно отсиживался в радиорубке. Так было всегда, и к подобному аутизму привыкли – пока не случилось очередное событие.

Это был день рождения капитана. Оказавшись у костерка, радист все больше отмалчивался, пока вдруг обнаружил, что его заставляют встать и озвучить тост. Этого он не умел.

– Я... хотел бы... – ситуация была патовой, – ...по делу разве что...

Вместо тоста последовало предложение. Касалось оно

главного промысла – рыбы. Оную рыбу, со слов докладчика, следовало не искать по всей акватории, сжигая горючее, а приманивать с помощью звука.

Таковы были тезисы. Подробности из него вытянули позже. Доводы были малопонятны, но убедительны. На команду, учитывая, из кого она состояла, это подействовало без вопросов. Капитан был тоже заинтригован.

Он знал, что у рыбы имеются уши не уши, но что-то, чем она на звук реагирует. Чаще всего от стороннего шума дает ходу, но если пошуметь как-нибудь поудачней... почему бы и нет.

Особенно привлекала экономия топлива. Военные, делившиеся всем, насчет горючего проявляли жадность, не меньшую чем с деньгами.

Сказано – сделано. Раскурочив списанную с противолодочника сирену, радист неделю возился с паяльником и выдал в итоге, что получилось – усилитель, генератор частот и излучатель в герметическом боксе. Весь этот набор, соединенный между собой проводами, был помечен маркером как ПЭМИ-1. Подводный электромагнитный излучатель номер один.

Любопытство к новинке оказалось аховым. Испытать решили, не заморачиваясь на акустике, имеющейся на кораблях. Согласовывать с начальством, не любившим с известных пор самодеятельности, было небезопасно. Договорились

с водолазами, и те за выпоренное число промилле снарядили человека и сунули в воду, чтобы послушал. В этом примитивизме был свой резон, акустические приборы соседних эсминцев сигналы хоть и улавливали, но в виде частот. А будут ли эти колебания звуком, никто не ведал. В общем ухо есть ухо, и водолаз был самым правильным выбором.

Колебания оказались звуком. После включения сигнала водолаз, невзирая на тяжести, вылетел из воды, словно пингвин на льдину. Его вопли были столь громкими и нецензурными, что тут же объявилось начальство. К счастью, опыт проходил без особого афиширования: водолазы, понимая момент, поскрипели зубами и, бросая на траулер многообещающие взгляды, постарались это дело замять. Объяснили, что ничего, мол, страшного, обычная ситуация, кончился у человека воздух...

Пока у военных шел ор, капитан прочувствовал, что лучше поторопиться и, не мешкая, дал команду отчаливать. Траулер, используя самый бесшумный ход, тут же покинул расположение базы.

Продолжить решили подальше от лишних глаз. Подобных мест в акватории было много, но одно выделялось особо. Район, куда они шли, не считался закрытым, но соваться туда боялись – на голову регулярно падали неопознанные ракеты, обломки и всё, чем богаты военные. Капитан, уверовавший, что в системе распознавания «свой—чужой» у него

теперь блат, это место любил особо. И мстительно считал своей вотчиной.

В заданную точку прибыли к вечеру. Подошло время ужина, но нетерпение к новшеству было по-прежнему велико. Радист настроил аппаратуру и начал посылать сигналы на глубину. Субординация на судне давно хромала, все кто мог сгрудились на мостике, вглядываясь в экран эхолота. Каждому хотелось увидеть, как рыба будет реагировать на науку.

Она действительно реагировала – на разные частоты по-разному. Разбегалась, начинала метаться, порой застывала в трансе... но к кораблю не шла.

За зомбированием ихтиофауны не заметили, как прошла половина ночи, и всех потянуло ко сну. Капитан, поклевав носом, сообразил, что не выставил вахту. Наличие бардака было очевидным, и главный зачинщик сидел перед ним в наушниках. Сняв их, капитан объявил собачье дежурство и отправился спать.

За ним остальные. Эксперимент закончился неудачей.

Оставшись один, радист побродил какое-то время по рубке и вернулся к настройкам. Спать не хотелось, но приближался тот незаметный порог, когда легкое утомление грозило закончиться старым добрым отрубом. Симптомы, знакомые каждому, кто дежурил ночью. Спасение в таких случаях было одно. Не отрываясь от передатчика, он нащупал банку

дежурного кофе.

Голова гудела после частотного воя. Он потряс ею, помассировал и даже стукнул о переборку, но это не помогало. Подобное лечится подобным, вспомнил он. И достал флешку с музыкой.

Компьютер высветил на мониторе десятки папок. Всю коллекцию за последние годы.

Современные записи отпадали. Они взбадривали, но после недельного напряжения был не тот случай. Он выбрал единственное из возможного. Это был концерт для гитары с оркестром, написанный человеком, ослепшим в детстве. И вложившим в музыку все недополученные от недуга эмоции. Странность произведения была в том, что оно считалось одним из лучших в классической музыке, и на слух его знали все. Но никто не помнил названия – «Аранхуэзский концерт» Хуана Родриго.

Он промотал первую часть, анданте ему не нравилось, ни для успокоения, ни для чего. Просто вступление. Любимым было адажио. Глотнув кофе, с удивлением обнаружил, что не заметил, какой рукой подносит чашку ко рту. Левая настраивала регулировки, правая управляла мышью с клавиатурой.

Он слушал музыку и продолжал бродить по частотам.

Доносились ли синусоиды излучателя, он не помнил. Если да, то в сопровождении адажио.

Сознание ничего не подсказывало, просто шли музыка,

время, и шли частоты. Единственное, что он заметил – как, задержавшись на одной из них, мозг разом включил все рефлексy.

Черточки рыб в эхолоте начали двигаться в нужную сторону.

В пять утра спать хочется больше всего.

Старый палтус лежал на дне, зарывшись в песок, и видел первый свой сон. Ночь выдалась беспокойной, наверху что-то громко шумело, срываясь на гул или писк, а вокруг не переставая бесились рыбы – более молодые палтусы, камбалы и зубатки. Наконец все затихло и удалось заснуть.

Но ненадолго. Он проснулся от странного чувства – будто кто-то зовет. Зов был ласковый, нежный и страшно знакомый. Только не по нынешним временам, а из далекого прошлого. Ощущения, появившиеся изнутри, казались давно забытыми. Он почувствовал вдруг нечто невероятное – нарастающий гормональный позыв.

Это сбивало с толку. Нерест давно прошел, а для него, старого, много лет как прошел навсегда. И вот опять все вернулось – этот странный голос, который томит душу и влечет куда-то вдаль – к неведомому счастью и удовольствию.

Сверху подавало сигнал что-то большое и эротическое.

– Иди ко мне... иди...

Он поднял голову, осмотрелся, потом энергично двинул хвостом и, взметнув клубы ила, устремился вверх. В сторону

далекого зовущего голоса.

Вокруг него в том же направлении двигались остальные.

Капитан, зайдя проведать радиста, хотел сообщить об окончании вахты. И передумал тут же. Взгляд зацепился за фосфоресцирующее пятно между склонившейся головой и иллюминатором.

Экран эхолота показывал, что к траулеру приближается косяк. Такой, каких он прежде не видел.

Пора было поднимать экипаж.

Через сорок минут все проснулись и занимали места. Судно начало огибать кишасщее рыбами пространство, выпуская по следу трал. Улов ожидался невероятный.

Скрип лебедек смешался с порывами ветра, удары волн и брызги из-за бортов с мельканием рук и лиц, а потрескивание тросов с криками появившихся неведь откуда чаек.

Не двигался лишь один человек. Трал ушел вовремя и без задержек, а капитан смотрел за корму, пытаясь понять причину собственного беспокойства. Оно таилось внутри и ничем себя не выдавало.

Что-то было неправильно.

Погода не баловала, но для начала осени была в норме. За судно он тоже не волновался, ремонт и последнюю профилактику проходили недавно, в те самые сроки, когда радист собирал аппаратуру.

Было что-то еще.

Стоило взгляду переместиться от уходящих тросов на воду, оценивая весь охватываемый объем, и он наконец понял. Трал.

Когда-то давно, уже готовясь к будущим неприятностям, он выбил на базе новые снасти вместо старых и донельзя изношенных. Сделанные из более современных материалов, они представляли собой другую идеологию и другие возможности. С одной только неувязкой – размер их был вдвое больше нормы. Выбирать не приходилось, он рассудил, что много не мало и брал, что дают и пока дают.

Сейчас этот трал был выпущен полностью и переполнен.

Уже давая команду выбирать, он понимал, что сделать это будет непросто. Если удастся вообще. Сеть, ухотившая с легкостью, шла обратно с натугой. Можно сказать, не шла почти ни в какую. При всем иступлении, с которым рыба двигалась к кораблю, запрыгнуть на борт сама она не могла.

Капитан, команда и траулер находились в ста с лишним милях от ближайшего берега с огромным мешком за кормой, не в силах поднять его. И никого вокруг. Как ни обидно, но в данной географической ситуации оставалось только одно – стравить часть мешка и отпустить половину добычи. Легко сказать.

Извечная тема – быть или не быть. Рыбацкая упертость и разум, подсказывающий, что улов надо отпускать – все перепуталось. Капитан мучительно пытался думать, но в голове лишь крутилась фраза, услышанная в кино:

– На это я пойтить не могу.

Пока он маялся, море затихло. Небо, начавшее было светлеть, потемнело. Для начала осени это что-то значило, но никто не отреагировал. Тянуть, решил капитан. По метру, по два.

За историю судоходства не было случая, чтобы шторм оказался кстати. Как и болезнь, он всегда не вовремя.

Шквал налетел внезапно. Он был резким, мощным и продолжительным. Ударом, к которому не был готов никто, судно буквально прибило. Потом подняло на невесть откуда возникшей волне, оттащило в сторону и швырнуло вниз. От такой коварной атаки разметало не только команду, но и троса на лебедках. Трал стал неуправляем.

Радист потянулся к тумблеру, но тут же неведомая сила бросила его в конец рубки. Рука в полете задела регулировки, излучатель сменил частоту. Музыка, бывшая наяву или в сознании, пропала. А новая частота оказалась другой – не призывной и наркотической, за которой рыбы шли как сомнамбулы, а пугающей.

Косяк повернул обратно.

Корабль, взлетая и падая по налетавшим из мрака волнам, приобрел вдруг новый вектор в движении. Его ощутимо тянуло назад за корму. Это был трал, набитый пленниками, которые, желая сбежать, исчезнуть, прорваться – сделать хоть что-нибудь, лишь бы избавиться от нового, неприятного для

них шума – налегали на каждую из ячеек снасти.

Подгоняемый ветром, траулер стал набирать задний ход.

Но это едва ли кто видел. Все смешалось – черные облака на фоне бортов, волны, ветер и шквалы брызг. Главное было держаться.

Сколько прошло времени, когда начали попадаться первые льдины, никто не заметил.

Часть первая. ИСТОРИЯ НАУКИ

Глава 1

Озеро, расположенное в глубине Карельского перешейка, не имело названия. Это был географический феномен, о котором мало кто знал. При кажущейся доступности, если смотреть по карте, на деле оно считалось почти таежным. Окруженное полосой болот и каменистыми грядами, озеро не потеряло девственный вид даже за годы так называемой цивилизации. Помоек и свалок, досаждавших подобным местам, вокруг так и не появилось, как и других следов человеческой деятельности. Выглядело это не очень понятно. От магистральной трассы, ведущей из Петербурга на север, до водоема было несколько километров. Но съезд с шоссе почему-то отсутствовал, поэтому посещали его немногие. Любители пикников на джипах или кроссоверах не появлялись здесь, как и обычные отдыхающие, предпочитавшие хоть и общественный, но все же транспорт. Те же, кто освоил эти места, в душе удивлялись недогадливости остальных – достаточно было сойти с дороги и через пару часов ходьбы по пересеченной местности попасть на удивительные по живописности берега.

Людей на озере, как всегда, было мало. Только свои, любители глухих мест и воды. Способные жить в лесу без удобств и запасов, готовые, если что, помочь и спасти. А ес-

ли надо, и морду набить.

Среди нескольких лодок, покачивающихся на воде, только одна выделялась особенной неказистостью. Все в ней выглядело неправильно. Рюкзак торчал как из задницы, а удочки свисали словно бы не с того боку. Не лучше смотрелся и сам рыбак. Чужаки, иногда забредавшие в эти места, одевались, как правило, одинаково – в яркие куртки с карманами, заметные даже при камуфляжных расцветках. И веяло от них не рыбалкой, а шашлыками и ценниками из магазинов. У этого же наоборот – случайная одежда, темные очки и что-то неопределенное на голове делали его похожим на шпиона из бедной страны.

Усугубляла картину и общая угрюмость, в которой пребывал незнакомец. Издалека ему можно было дать как двадцать лет, так и сорок.

Появился он здесь недавно. Встретили чужака поначалу без любопытства – мало ли кто забредает на выходные. Но выходные прошли, а незнакомец остался. Через пару недель рыбаки отчего-то забеспокоились. Несмотря на наличие лодки, рыбалкой пришелец не очень-то увлекался, а одеждой напоминал бомжа.

Бомжей на озере не хотелось.

Самозванец же, выставив удочку, смотрел на воду и обреченно пытался думать.

Интересно, что я здесь делаю... – мысль, появившаяся

с утра, была единственной. Он напряг голову, размякшую после зноя с покачиванием на воде. Вместо воспоминаний появлялась лишь хаотическая ерунда: всполохи света, лица, отрывы по лестницам, вечеринки...

Руки произвольно подергали удочку.

На соседних лодках зашевелились. У новичка определенно клевало.

Воспоминания чужака говорили о том, что он молод и как минимум не в себе. Невзирая на путаницу, одно для начала он помнил – что зовут его Андрей Соколов.

Никакой амнезии, собственно, не было, скорее бардак и смятение от происходящего. Чем дальше он находился на озере, тем меньше что-либо понимал. Хотелось разложить все по полочкам и разобраться. Лучше это было делать с начала.

Он всегда занимался спортом. С самого детства – футбол, хоккей, лыжи... Остановиться на чем-то не получалось. В их поселке при воинской части спортивных секций попросту не было. В гарнизоне этого добра хватало, но поселковых туда не пускали. Все из неблагополучных семей, они плохо учились и хулиганили.

Андрей в этом плане был исключением, но под общую лавочку попадал.

Главной страстью был, конечно, футбол. Это занятие

оказалось всем – увлечением, страстью и даже религией. В шесть лет Андрей впервые увидел, как взрослые, оставив в сторону алкоголь, раздеваются до трусов и носятся по поселковому полю между двумя воротами. В восемь лет услышал о Марадоне, Пеле и Аршавине. А в девять купил учебник юного футболиста.

Книжка была с картинками, и на первом месте там шел удар. Он состоял из двух важных разделов – расположения ноги и точности попадания. Андрей всю зиму прикладывал ногу к мячу, приучая себя к грядущему таинству. А весной, когда сошел снег, взял мел и нарисовал на соседском сарае ворота.

После чего принес мяч и долго целился. За белым тщательно выведенным прямоугольником просматривалась дорога в большой футбол.

Он ударил. Мяч полетел по центру ворот. Он сменил прицел и стал бить в угол. И снова попал. А дальше уже только бил – по разным углам и траекториям.

Это было как наваждение. Он не помнил, как происходили оставшиеся события. Прошла весна, закончилось лето, а он продолжал бить. Сосед, обеспокоенный за сохранность сарая, пошел разобраться со злоумышленником, но увидел безумные глаза пацана, и прогонять его передумал. Он тоже любил футбол.

За несколько лет Андрей разбил два сарая и пять мячей, но ничему кроме удара не научился.

Наверное, ситуация так и осталась бы тупиковой. Все изменилось, когда они с матерью переехали в город. Он оказался огромным и состоял из отдаленных районов, разбросанных по берегу Волги. Андрей никогда раньше не видел такого количества одинаковых домов.

Спортивных секций там было много. Хотелось пойти во все сразу, но этого-то и не получилось – в четырнадцать лет он уже числился переростком. Единственное, куда приглашали с охотой, было спортивное ориентирование.

Но бегать по лесу с бумажкой и компасом не хотелось.

Через год ему повезло. Новый физрук, появившийся в школе после летних каникул, оказался тренером по волейболу. Шаманов, а точнее Шаман, как его звали все, человеком был легендарным – лучший в городе специалист, уволенный из местной ДЮСШ то ли за пьянство, то ли за трудный характер. Пьянства за ним никто не заметил, а вот за школьников со своим волейболом он взялся серьезно. Тренером Шаманов оказался крутым. Набрал обычных девятиклассников и натаскал за год так, что уже к десятому классу они играли на равных со сверстниками из спортшкол.

Спортивное начальство хваталось за голову – Шаман чудом не выиграл с командой обычных подростков возрастное первенство города. Случись такое, пришлось бы ставить его на область и отвечать за провал остальных. От греха подальше Шамана позвали обратно.

Отметив победу демонстративным загулом, Шаманов

вернулся к прежней работе. Обнаружилось к тому времени, что человек он благодарный – ребят не бросил и в школу заглядывал регулярно. А двоих, особо переживавших окончание тренировок, забрал к себе в секцию. Стоило это ему личных раздумий, на фоне сверстников из спортшкол смотрелись они дубово.

Одним из них оказался Андрей.

Это был переход к другой форме жизни. Шаман быстро придумал, как быть с новичками, стал компенсировать отставание бешеной физикой – прыжки, приседания, штанга... И как всегда угадал: через месяц оба носились по площадке как угорелые, выручая аборигенов, болевших извечной юношеской расслабухой.

Тренировки и сборы чередовались с играми, будто в скалочном калейдоскопе. Андрей до конца не мог прийти в себя от происходящего.

Ранняя физика палка о двух концах, качая мышцы, становишься прыгучим и резким, но перестаешь расти. К последним сборам все в команде вымахали под два метра. Андрей с товарищем остановились на ста восьмидесяти пяти.

Шаманов же пошел дальше. Обучать пацанов, отдавая их неизвестно куда, ему давно надоело, захотелось нормальной тренерской доли, с перспективами и результатами. Да и платили за детей неважно. Доведя выпуск, он подался в только что созданную команду мастеров.

Это была удача, и он не хотел ее упускать. Человек, кото-

рого в городе знали как бывшего сбитого летчика, помолодел на глазах, стал подтянутым и совершенно другим. Даже алкоголь отошел куда-то в сторону. Это противоречило теории вероятности, утверждавшей, что избавления от вредных привычек не может быть в принципе, но подтверждало ту ее часть, где говорилось о черной кошке и темной комнате.

С собой в мастера Шаман забрал половину состава. А с Андреем вынужден был распрощаться.

– Извини, старик, профессионала из тебя не выйдет. Начал поздно, техника слабовата. Данные неплохие, но сам понимаешь, роста нет, да и руки зажаты. Даже для либеро.

«Либеро» называли несчастных, которые отбивали мячи и не участвовали в атаках. Попадали в них самые неубиваемые из малышей.

На прощание он выдал бумажку с номером.

– Позвони, если что, скажи, от меня. Там будут рады.

Хотелось пить. Он нащупал на дне лодки бутылку.

Воспоминания ничего не давали.

Воздух над озером колебался, пытаясь складываться в мираж. Не дойдя до чего-либо, тот растекался в линию над поверхностью. Выше и ниже ее изображение было нормальным, но внутри будто что-то происходило. Зыбкое марево не давало увидеть, что именно, но притягивало, будто огонь во время пожара.

Школа закончилась. Позвонив по выданному телефону, Андрей начал выступать за команду Пожарного общества. Все продолжилось, как и раньше, только не было тренировок. Через какое-то время стало понятно, что игры тоже не радуют. В хождении на дежурства ради спорного удовольствия было что-то неправильное. При всем уважении к неожиданной для себя профессии, атрибуты ее, как и сами пожары, не вдохновляли. Надо было что-то менять, и он опять обратился к Шаманову.

Тот, как ни странно, обрадовался. Философия для таких случаев была у него простая – чем больше народу устроишь, тем больше пользы на будущее. «Да и жаль мне вас, в конце-то концов». Была, правда, в этом альтруизме одна особенность. Заранее знать, куда попадешь после общения с тренером, не удавалось даже ему самому. С Андреем именно так и вышло – поговорив, Шаманов сделал первое, что пришло в голову. Позвонил в Петербург.

Через месяц Андрей уже ехал в северную столицу поступать в Технический университет. Там не хватало волейболистов.

Сложно сказать, повезло ему или нет. Тогда казалось, что повезло.

Приняли его на П.О.

Когда-то Подготовительные Отделения были по всей стране. Занимались они благим делом – помогали выход-

цам из простых семей после армии или других безумий бесплатно пробиться в вузы. Ликбез, одним словом. С новыми временами все изменилось. Институты стали университетами, а подготовительные отделения закрылись как пережиток прошлого.

Но не везде. Ректор Технического института был против переименования в университет. На такое в его представлении имели право только универсальные школы. Когда же отличие в том, что одни инженеры, а другие компьютерщики, на универ это не тянуло. Уступить жлобским веяниям и обозваться как все он согласился только после угроз срезания финансирования. А вот следующего шага не сделал. Подготовительное отделение как было, так и осталось. Ректор вообще оказался человеком несовременным – помещений не продавал, социалку не развалил, а коммерческие специальности разрешил лишь в рамках имеющихся факультетов. Он мог себе это позволить – о связях его в ВПК ходили легенды.

Соотношение всех этих величин оказало влияние на одну. Загорелый парень в футболке, джинсах и со спортивной сумкой за два дня пути сменил Волгу на Петербург.

Учиться Андрею понравилось. Занятие, брошенное еще в школе, реанимировалось сразу. А главное, в этот раз к нему было желание. В группе все оказались примерно такими же, как и он, бывшими даунами, получившими вторую попытку

на интеллект. С одним лишь отличием – классовой склонностью к алкоголю.

С этой формой жизни он не спешил. Что происходит на той стороне Луны, Андрей помнил еще по поселку. Инстинкты подсказывали, что для начала лучше не расслабляться, а освоить хотя бы азы. Кроме вкалывания вариантов здесь не было. Подобное он проходил уже в ДЮСШ.

С пьянством же вышла своя история – отдельная и гораздо позже. Оно показало себя с неожиданной стороны. Бывая на дискотеках, Андрей заметил, что часть студентов странным образом не принимает спиртного. Вроде бы пьет, но не в классическом смысле, а бутылку пива, не больше. И чаще для разбавления чего-то другого – ребята эти закидывались таблетками.

Явление в общем-то было не новым. Поддавшись на уговоры, Андрей тоже попробовал, но обнаружил, что его не цепляет. В голове лишь что-то крякнуло, и слегка занемели зубы.

Девушка, потратившая на него запас кислоты, была откровенно разочарована.

– Отсталый ты человек. Алкоголик, наверное...

Потом, заметив, во что выходит продвинутость, он эту отсталость оценил.

А пока был праздник. Другая система координат, в которой он еще мало что понимал. Учеба давалась легко. Странного в этом не было, их учили тому, что отложилось если

не в памяти, то в подсознании, и лишь ожидало команду всплыть.

Ликбез пролетел незаметно. Сдав выпускные, Андрей обнаружил, что без ожидаемой нервотрепки стал первокурсником.

В состоянии эйфории он находился все лето и первую половину осени. К тому времени уже началось настоящее студенчество. Развлечений прибавилось, но и учеба пошла не в пример недавней. Первое он оценил, второе пока еще не доставало.

А главное, начался волейбол. Команда университета была когда-то лучшей в городе, но в последние годы дела шли хуже. Компьютерный уклон, охвативший все факультеты, вызвал побочный эффект – студент шел все более дохлый, к физической культуре не то чтобы не готовый, а не склонный в принципе. Ректор, всю жизнь занимавшийся спортом, за подобной мутацией наблюдал с унынием, но сделать с ней ничего не мог. Пришлось согласиться с кафедрой физвоспитания, уставшей мучиться со сколиозниками, и взять на учебу нескольких полноценных спортсменов.

Спасать генофонд Андрею понравилось. Рост, ущербный для профессионала, в студенческих играх позволял себе все. Натасканная Шаманом прыгучесть творила здесь чудеса – он атаковал из любых позиций, проламывая хилую оборону очередных айтишников, санэпидемиологов или, страшно сказать, библиотекарей. Он прыгал и бил, снова прыгал

и снова бил и, казалось, этому полету не будет конца.

Первая же сессия ударила так, что мигом обрушила на землю. Дискотеки, соревнования и прочие радости обернулись жестокой расплатой. Преподаватели, милые только что люди, в одночасье вдруг превратились в сатрапов. Математика, линейная алгебра, информатика, начерталка, английский... раньше все это шло общим списком. Теперь же каждый предмет стал реальным: он угрожал, требовал знаний и того, с чем раньше не приходилось сталкиваться – работ.

Общежитие напоминало улей, в котором все что-то делали и жужжали.

В комнате, где жил Андрей с приятелями по П.О, никто уже не жужжал. Настроения были разные. Андрей, как нормальный спортсмен, в любой ситуации предпочитал действовать, поэтому тупо списывал, заучивал формулы и готовил шпаргалки. Соседи по комнате слишком поздно сошли с загулов и застряли на первых зачетах. Обе стороны, несмотря на различия в тактике, одинаково двигались к краху.

Каждый видел проблему по-своему: Андрей не понимал многого, соседи вообще ничего. И относились к этому радикально – парни только что отслужили в армии. В комнате назревала суровая дембельская пьянка.

Спасение пришло в виде девушки Маши.

Андрей ее знал недавно, с первых совместных матчей.

Маша считалась в своей команде чем-то вроде Анны Курниковой. Играть она не то чтобы не умела, с этим все более-менее было в порядке. Но достоинства волейболистки, хорошие или нет, отступали на задний план при всех ее появлениях на площадке. Варварский замес из задора, нелепости и соблазна в этой девчонке прихватывал всех подряд.

Маша относилась к тому странному типу, описать который было нельзя. Светлые волосы, румянец и шальные глаза... этим исчерпывалось только на первый взгляд. Но он вряд ли что-то давал, главное оставалось за кадром. Атмосфера вокруг нее была еще та – постоянные вопли болельщиков, своих и чужих. Понять, подбадривают ее или издеваются, не получалось. Иногда это помогало, особенно в играх на чужой площадке – соперницы злились, что внимание не на них и лупили по мячу как попало. Случалось и наоборот – свои костерили бедную Машу, и все валилось из рук. Ничего поделать тут было нельзя.

Друзья ее все как один выглядели ухажерами, а скорее всего и были ими. Андрей подобного избежал – даже когда, посмотрев на мучения с техникой, предложил бедной Маше поставить нормальный прыжок. Прыгала она как все женщины, заранее поднимая руку и по-утиному приседая.

Советы помогли, и они как-то сразу сдружились. Ни в чем особенном это не выразилось: в кино вместе не были и прогулок по городу не совершали. Но совпадение маршрутов случилось – с учебы, на учебу, еще куда-то. Выливалось это

хоть в какие-то, да разговоры. Почему не двинулось дальше, трудно сказать. Даже после нескольких дискотек, где Маша, обсмеяв перетаптывание своего нового приятеля, назвала его танцем пожарника и взялась обучать как надо.

Как и с прыжками, танцевальное дело освоилось. Андрей был на пару лет старше, такой же в сущности вьюноша, а движения, которым учила Маша, сложностью не отличались – помимо привычного топтания нужно было лишь вздрагивать телом. С непривычки тряслась и голова, но со временем перестала.

Дискотеки, маршруты. Это был известный катализатор, но на небесах, похоже, что-то заклинило, и оттуда не поступало сигнала, который приводит к начинающимся вибрациям. А может, заклинило Андрея – обращать внимание он продолжал исключительно на других.

Маша легко соскочила на сдачу хвостов, будто щелкнула выключателем. Андрей же попал под тяжелый груз обстоятельств. В комнате были он, пораженцы-соседи и тягостная атмосфера облома. Неудачные попытки хоть что-то сдать чередовались с обмытием очередной несдачи.

Маше, заглянувшей на огонек, это не понравилось сразу.
– Ты что, спятил??? – Андрей не сразу понял, что на него кричат. – Чем пить, занялся бы делом!!!

Услышанное надо было обдумать. Какая часть организма отвечает за эту функцию, он не помнил. Маша не исчезала.
– Идем отсюда!..

Дальнейшее вспоминалось дискретно. Стол, открытая дверь, коридор, лестница. Маша. Его куда-то тащила Маша.

Уже на другом этаже, пока Андрей оживлял себя над умывальником, она наставляла:

– Хорошо, пока ты студент! Валяешь дурака, и все тебя любят. А выгонят, станешь просто бухариком. Хочешь нормальной жизни – учись. Ты меня слышишь?!!

Вынырнув, Андрей осознал, что слышит.

С этого началась учеба. Он что-то делал, зубрил и, как ни странно, сдавал. Жизнь приобрела новый вектор, главное достоинство которого было в том, что он был.

Подошел Новый Год, самый главный праздник. И самый странный – в эти дни любителям отрываться приходилось вкалывать больше других. Пик сдачи хвостов попадал на магические числа – 31 и 1.

Между тройкой и единицей случилось то, чего никто из них толком не понял. В первую же авральную ночь, просидев за курсовиком, они заснули вместе.

Все решилось само. Свободных кроватей не было, а отпускать на дембельский суицид Маша его не хотела.

Странное чувство – лежать, ощущая все большую близость, и не шевелиться. Кровать скрипела, как злой часовой, а в комнате они были не одни.

Технари стыдливей гуманитариев, копание в формулах занятие не публичное. Андрей в новогодние дни освоился и стал в женской комнате своим. Но в ночлегах вел себя ти-

хо – отбарабанив материал, они с Машей обнимались по-братски, помучившись с зовом природы, и, кажется, засыпали.

В запутанном мире либидо самое безумное – терпение и интрига. За месяц этого набралось с избытком. Оба мученика были на грани, с воспаленным сознанием и начинающимся помутнением рассудка. Как ни странно, занятиям это не помешало, и сессия шла, как шла, к удачному завершению.

На каникулах они остались одни.

Андрей вперился взглядом вдаль. Состояние, в котором он вряд ли мог что-то видеть.

Он помнил свет, тепло и сгустившийся воздух той комнаты. В каждой части ее они обнаруживали только себя. Это был их замкнутый мир и их же необитаемый остров. О том, чтобы покинуть его, не было даже мысли. В памяти не отложилось, находилось ли что-то еще в окружающем их пространстве. И где было это пространство – вокруг, внутри или где-то дальше. Он даже не помнил, выходили ли они в магазин или куда-то еще.

Четырнадцать суток тянулись как сон, долго и бесконечно. Когда этих дней не стало, оказалось, что пролетели они мгновенно.

Он тронул снасть.

Движение принесло результат – среагировав на червяка, его схватил здоровенный окунь. Это заметили многие. На жаре и безветрии рыба ни у кого не клевала. Соседние лодки потянулись ближе.

Вытащив окуня, Андрей опустил его мимо садка.

Глава 2

Все когда-то заканчивается. Вернувшись к себе, Андрей обнаружил в комнате изменения. Кроватей было не три, а две, а вместо похмельных соседей присутствовал странный тип со стаканом чая и журналом в руках. Первое, что отметил взгляд – журнал имел отношение к науке. Как и сам тип – он приехал учиться в аспирантуру.

Новый жилец представился:

– Олег... Головин.

По первому впечатлению это был законченный Паганель. Худой, нескладный и со всклокоченной шевелюрой. Рассеянностью он превосходил пожалуй что и самого прототипа – в аспирантуру Головин явился с опозданием на полгода. На удивление это сошло ему с рук, руководство отнеслось к сей странности с пониманием. Но заселили его не в аспирантское общежитие, где места уже были заняты, а к Андрею.

Выгоды от Паганеля светили явные. В трехместной комнате они теперь жили одни, Головину полагались льготы по площади. Да и плюсы с учебой выглядели очевидными. Оставалось понять, как у нового соседа с обычной жизнью.

Оказалось, никак. Не отдыхал, ни с кем не встречался, во вредных привычках замечен не был. Нормальные качества у него как бы отсутствовали. Даже есть он умудрялся

без интереса. По выходным сидел дома в кресле-качалке, которое приволок откуда-то, и читал.

Из всех имеющихся досугов Головин предпочитал скуку.

Андрей, наблюдая за столь странным образом жизни, через какое-то время стал испытывать устойчивое желание по-выть. Срочно требовалось что-то менять.

В ближайшие выходные они с Машей решились – организовали в комнате день науки. Маша, любившая делать коктейли, обещала спойть Паганеля, даже если он малопьющий или, хуже того, не пьет. Напиток для таких случаев был один – «студенческий-третий». Треть водки, треть сока и треть вина.

Задуманное удалось частично. Через два часа после начала мероприятия Андрей и поддерживавший его Головин брели, пошатываясь, по коридору. Андрей отстранялся, бил аспиранта по спине и кричал:

– Ну что, вспомним молодость?! Тряхнем, так сказать, стариной?!

Маша следовала на почтительном расстоянии. Следующим пунктом было добраться до дискотеки. О том, что пошло не так, думалось вяло.

Андрей продолжал нести околесицу, с каждым шагом теряя форму и содержание. Головин уворачивался от попыток физического воздействия и выглядел человеком, поевшим лед.

Маша пыталась вспомнить, где и когда ошиблась в пропорциях. Коктейль явно прибил не того.

На дискотеке Андрей оживился – в состоянии, которое не позволяло ходить, вздрагивалось особенно бодро. Головин попытался прилипнуть к стене, но был перехвачен бдительной Машей. Взяв аспиранта на болевой прием, она толкнула его к танцующим.

Головин сиротливо обвел взглядом зал. Сбежать было некуда.

Ситуация не оставляла выбора. Он дернул ногой и через какое-то время рукой, но так и не понял, что делать и обреченно начал топтаться.

Музыка, вспышки света и колебание инородных тел убивали сознание. Топтание аспиранта напоминало чем-то танец пожарника, но смотрелось не так разухабисто. Колени держались вместе, а не во все стороны разом, локти стеснительно прижимались к бокам, а зверский взгляд отсутствовал напрочь.

Лиха беда начало... – Маша смотрела на замороженного танцора, движения которого приобретали все более механический смысл. Единственное, что приходило в голову – прикинуть, в какой слоновьей пропорции замешать ему следующий коктейль.

Взгляд упал на открывшуюся дверь. Возле нее увиделось что-то, заставившее всмотреться – незначительное, но важное. Незнакомая пигалица, пытаясь выглядеть незаметной,

вытанцовывала в одиночестве. Подслеповато щурясь, недо-
разумение в очках даже не обозначало такт, а просто пере-
минало ногами.

Узнаваемо прижав локти к бокам.

Это был знак. Голос сверху, спасение волхвов... Маша
двинулась в нужную сторону.

Пигалица, назвавшаяся Таней или Аней, из-за музыки
не поймешь, только что прочла в своей комнате книжку,
и не найдя другую, пришла за подругой, у которой, кажется,
есть что-то еще.

– Пойдем к нам! У нашего друга много книжек! – проора-
ла Маша, выдергивая Таню-Аню из укрытия. Подарок волх-
вов еще следовало довести.

На Головина Таня-Аня отреагировала с испугом. Книж-
ная тема метнулась в ее глазах и умерла. Но побега не про-
изошло.

Молодец, Знайка... – подумала Маша.

В комнату возвращались уже вчетвером.

Разведя Знайкам по лошадиной дозе, Маша переключи-
лась на Андрея. На последнем танце любимого поразила
икота.

Знайки разговаривали о книгах.

Андрей пил воду мелкими глотками. Не помогало.

Таня-Аня рассказывала о Сервантесе. Ее удивляло, что
биография писателя оказалась намного богаче его произве-

дений. Это было странно, она не понимала, зачем нужен вымысел, если есть жизненный материал.

– Биографий много, Дон Кихот один, – изрек Головин.

Хам... – подумала Маша. Набрал в рот воды, Андрей ходил от двери к окну, вытянув шею по-журавлиному. К икоте добавился кашель.

Головин рассказывал о Ландау. Дойдя до аварии, оборвавшей карьеру великого физика, начал осознавать, что теряет мысль.

Маша била Андрея по спине. Кашель перешел в надрыв.

Таня-Аня рассказывала о японском любителе овец Мураками.

Андрей делал дыхательные упражнения. Икота затихла, но вскоре возобновилась в новых версиях.

Головин перевел разговор с писателя-овцевода на японские мини-электростанции. Глаза Тани-Ани неестественно загорелись. – Эллектростаанции... – произнесла она. Звучание завораживало.

Андрей лежал на кровати, Маша читала заговор:

– Икота, икота, перейди на Федота.

С Федота на Якова,

А с Якова на всякого...

Закончив, поинтересовалась: – Ну как?

Андрей молчал.

Таня-Аня почувствовала, что не может выговорить элементарное слово «Фейхтвангер». Выронила бокал и покач-

нулась. Головин попробовал удержать ее, но она оказалась неожиданно тяжелой. Голова поплыла. Все относительно, – подумал он. Мысль была настолько глубокой, что заслонила собой все остальное.

Маша заметила, что глаза Андрея стали задумчивыми. Она покосилась на Головина. Покачиваясь, аспирант смотрел на стену. Таня-Аня лежала рядом.

Плохо... – подумала Маша. Мысли начали исчезать. Магнетизм, появившись внутри, притягивал. Глаза Андрея приблизились и растворились в ней. Тепло вошло и вернулось обратно.

Это была волна.

Волна качнула лодку и ушла дальше. Андрей перекинул снасть.

Жара доводила до помутнения рассудка. Ветра не было, но поверхность озера колебалась, соединяясь бликами с воздухом. Направление, в котором это происходило, указывало на юг – туда, где был город. От него отдавало непонятной тревогой.

Между зыбким маревом и появившимися вдруг эмоциями словно существовала какая-то связь. От неприятного чувства Андрей поежился.

Причина была в месте и времени, о которых он ничего не знал.

...Трое шли по ночному гулкому коридору. Не люди, а тени – зыбкие и колышущиеся в свете дежурной лампочки из-за спин. У последней двери одна из теней включила фонарь. Другая достала устройство размером с мыльницу и прислонила к замку. Девайс оживился и заработал. Когда мигания кончились, замок подумал и щелкнул. Отклеив бумажку с печатью, они вошли.

Помещение за дверью носило следы небольшого пожара. Один из вошедших направился в кабинет, двое остались в лаборатории и начали закрывать шторы на окнах.

Человек в кабинете вытащил из сумки два автономных светильника. Свет обоих был регулируемым и не очень понятного спектра: блеклого и почти невидимого. Его хватило, чтобы заметить – одет человек не в темную, как остальные, куртку, а в серый короткий плащ. Он достал телефон.

– Как?

Из «Жигулей», припаркованных напротив здания, отозвались:

– Щель в крайнем правом.

Штору заделали, телефон стал фотоаппаратом.

Пока шла съемка, из столов выкладывали содержимое – бумаги, папки, носители. Закончив, человек в сером достал считывающее устройство. Подключился по очереди к компьютерам и посмотрел на часы.

– Уходим.

Закрыв замок, они опечатали дверь заново.

Блики притягивали. О чем это я... подумал Андрей.

Все решил случай. Точнее предмет, оказавшийся в ненужном месте в ненужное время – кресло-качалка со вдавшем в прострацию аспирантом.

Маша с Андреем молчали. Состояние близости захватывало их целиком. Они окунулись в собственный мир, где было все – бессонница, темнота, блуждание по ночам, ощущения, жар среди холода... практически Северный полюс... и почему-то подводная лодка.

Они не знали, что это было, выходом или входом. Лишь немного портило плавание – остатком сознания они чувствовали чужого.

Паганель мешал. Мешал всем – нежеланием напиться, быть вменяемым, а точнее невменяемым, и вести себя как человек.

Маша пошевелилась. Аспирант поставил на пол стакан, и его качнуло. Качнуло раз, когда он наклонялся, и два, когда возвращался в кресло.

После этого была пауза. А потом качание возобновилось.

Не теряя прострации, он смотрел на плоскость кровати. Двое в ней находились в покое – и вместе с тем двигались.

Теперь Андрей вспомнил всё. Всплывало много и лихорадочно.

– Этот тип, оказывается, не дремал. И началось все с Ма-

шиных шевелений. Как он потом объяснял, колебание кресла состыковалось с нашими. Только неправильно. Еще бы правильно.

Глаза Паганеля забыть было сложно.

– У гениев все как-то так и бывает. Упало на Эдисона яблоко, он и придумал электричество. Или не электричество... – Андрей задумался и посмотрел вокруг. Подсказок не было.

– Не важно, у него было яблоко, у аспиранта мы. Главное началось, когда он принес приборы, – он огляделся заново и никого поблизости не увидел. Он разговаривал сам с собой.

Ни с чем подобным они прежде не сталкивались. В воскресенье, еще не отойдя от субботы, влюбленные были разбужены грохотом. Шумел Головин, пытавшийся занести едва проходившие в дверь коробки. Выглядел он неважно.

Но то, что последовало дальше, было гораздо хуже. Пообещавшись на тему погоды и самочувствия, Паганель предложил повторить вчерашнее. Только под наблюдением приборов.

Андрей мало что понял, а Маша не смогла даже возмутиться. В голове пронеслось лишь что-то невнятное.

– Всё вчерашнее?

– Только последнюю часть.

– Ты что, биолог? – она осмотрела коробки. – Вуз у нас вроде технический.

Она не знала Головина. Они оба его не знали. Андрей не помнил подробностей, но через пару часов дичайшей лекции, состоящей из высокоумных терминов и мимики умалишенных, как докладчика, так и аудитории, согласие было получено.

Но все сразу же и не заладилось. Облепиться контактами на присосках они еще согласились, но на аспирантское «ну, давайте» записные любовники ничего из себя выдавить не смогли.

Стало ясно, что просто так вот, бесстыдно и на виду, заниматься *этим* они не могут. Даже в качестве лаборантов и даже ради науки. Тем более что никто и не помнил, чтобы в прошлую ночь кто-нибудь *этим* занимался.

Головин задумался.

– Без напитков никак? – поинтересовался он через какое-то время.

Предложение понравилось. Мысли о понедельник начали отходить на второй план.

Аспирант тут же сбегал.

Важность момента настраивала, а потому дегустировали долго и со значением. Выглядело мероприятие знаково – атмосфера эксперимента сказывалась. Андрей, заметно взбодрившись, поднимал тосты за науку. Головин же проявлял нетерпение – алкоголь убывал, а дело не двигалось. Объекты опыта смотрели на перспективу все с большим желанием закосить.

Полет мысли откладывался. Надо было что-то предпринимать, и Головин понял, что. Заговорил о высотах, которым служит наука, о глубинах, которые ей подвластны, о необходимости подвига... И закончил главным.

– Последний довод. Если сладится, комната ваша, – предложил он.

– А ты? – не поняла Маша.

– А я наездами.

На согласие потребовались секунды.

Никакого соития, собственно, не произошло. Головину стодилось и так – главным были не действия, а измерения. Чего именно, знал только он. Смотрел в приборы, снимавшие показания с укрытых под одеялом объектов, что-то себе наборматовывал, щелкал клавишами, менял настройки и едва ли не пускал пузыри. Не забывая при этом лихорадочно делать записи.

Никто не заметил, как за окном стемнело.

С этого вечера жизнь изменилась. Комната в считанные дни превратилась в лабораторию, сущность которой выглядела непонятной – теория с практикой в замесе с Фрейдом, Бахусом и аморалкой. Головин появлялся и исчезал. И каждый раз приносил что-нибудь из аппаратуры или компьютерного железа. Человеком он показал себя оборотистым – каким-то образом сумел убедить начальство выдавать ему технику на дом. Что объяснялось на кафедре, было неведомо.

Если бы там обнаружился сумасшедший профессор, поддерживавший происходящее, Андрей бы не удивился. После случившегося было ясно – тормозов у Паганелей нет.

С некоторых пор появилось догадка, что у затеи есть и финансовая поддержка. Напитки, без которых по-прежнему не обходилось, возросли в количестве и цене.

Происходящее все больше выглядело дурдомом.

Профессор, поддерживавший этот абсурд, между тем действительно был – научный руководитель Головина, доктор наук Владимир Данилович Тимченко, нормальный во всех отношениях завлаб и завкафедрой, человек без каких-либо странностей и задвигов. Кроме единственного – умения абстрагировать.

Легкость, с которой он принял Головина, объяснялась одним емким словом – тоска. Он пребывал в ней уже несколько месяцев – с тех пор как свернули проект, считавшийся если не делом жизни, то второй ее половины как минимум.

Проект того стоил. Это была заказная работа, из тех, что называют шабашками. Но масштабов, каких не помнили даже в старые времена. Проходила она не по линии университета. Подрядчиком был НИИ Энергетики, заказчиком же компания из Саудовской Аравии. Смета заказа была впечатляющей: несколько миллиардов долларов. В эту сумму оценивался объект, не имевший аналогов – солнечная электростанция размерами с небольшую пустыню.

Сидя на нефтяной трубе, арабы хотели чистой энергии. Нефть в качестве главного бренда выглядела не слишком значительно, да и она по расчетам заканчивалась. Площадь солнечных батарей должна была составлять десятки квадратных километров. Параметры электростанции и оплаты зашкаливали – никто не знал точного соотношения мощности и затрат.

К Тимченко обратились вынужденно. За полгода расчетов в НИИ пришли к выводу, что большего, чем у конкурентов, эффекта не получалось. А это значило, что заказ могли увести. Руководитель проекта академик Завадский, приятель Тимченко еще по учебе, решил привлечь к проекту старого друга.

Двигал им в общем-то прагматизм. Для полноценного выигрыша требовались либо новые технологии, либо другой подход к старым. Время шло, и на принципиальные новшества его уже не было. В отношениях же с неизвестным партнером надеяться на далекое будущее не приходилось. Восток дело тонкое – сегодня есть, завтра нет.

Новшествами в НИИ занялись, на перспективу и все такое. Но к имеющимся вариантам Завадский решил подключить Тимченко. Это был классический ход, опробованный еще в сталинские времена – привлекать особых специалистов со стороны. А особых качеств у обычного для непосвященных завкафедрой было в избытке.

Завадский не прогадал, за пару месяцев Тимченко пе-

ребрал все возможные варианты и додумался до простой схемы, которую назвал световой ловушкой. Используя геометрию, она заставляла солнечный свет многократно падать на поверхности батарей, умножая их мощность в разы. Эффект ожидался глобальный.

И вдруг в одночасье проект закрыли. Один звонок, и заказа не стало. Объяснения выглядели очевидной липой – «в связи с чем-то там-то...» В кулуарах обсуждали причины – от происков конкурентов до тривиального «не поделились». Какая из них настоящая, было уже без разницы. Настроение в любом случае колебалось от гнусного до отвратительного.

Приход Головина профессора оживил. То, с чем он объявился, говорило о появлении в унылых аспирантских рядах настоящего отморозка. Выслушав соображения, напоминавшие логически выстроенный бред, профессор почувствовал, как в настройках что-то будто бы изменилось. Ветер, магнитное поле... он не знал, что именно. Это было давно забытое ощущение, сродни зарождающемуся электричеству. Двухнедельная боль стала отходить. Жизнь как будто бы продолжалась.

В Паганеле ему нравилось все. Приятен был даже сам хамский факт – аспирант, принятый с опозданием на полгода, вместо того, чтобы тихо радоваться и кропать, требовал поменять ему утвержденную тему.

То, что он предлагал, казалось глупостью несусветной.

Но где-то первые минут десять. А вот потом впечатляло. Настоящий прорыв, причем в давно освоенной области. В ней не задерживались, игнорируя как залежалый материал. А Головин зацепился, и зацепился не зря, об этом говорили не только его догадки, но и одна из Нобелевских премий за резонансную диагностику. Тему близкую и давно уже не передовую.

Смущали лишь опыты аспиранта. Профессор поймал себя на том, что подобного не вытворял даже он и даже в молодости. Осознав, что сами эксперименты для Головина принципиальны, Тимченко решил их не пресекать, но и не светить до времени. Нравственность тут была ни при чем. С первого разговора стало ясно, что ни опыты, ни теорию лучше не афишировать.

Ничего революционного здесь на первый взгляд не было, лишь детали, оказавшиеся невостребованными. В этом и был свой резон.

Современная наука привыкла быть сложной, и простые явления рассматривала не часто. Если кто-то и обращался к знаниям прошлого, то скорее для констатации, а не исследований. Материалы столетней давности считались как бы закрытыми – они все просчитаны и учтены. По каждому из выведенных законов был свой отдельный памятник. Но с одним из них вышел недосмотр.

О колебаниях или вибрациях известно давно. Современный мир использует их вроде бы широко: в музыке, акусти-

ке, радиоэлектронике. Перечисляя список, в конце его обнаруживаешь вдруг странность – он оказывается небольшим. Область применения вибраций всего ничего, и дальше малых токов почти не идет. В оставшихся сферах с ними предпочитают бороться.

И это при том, что каждая частица природы обладает собственными колебаниями. Они одна из причин, по которым все в этом мире отличается друг от друга. Именно в них заключается самое главное – жизнь.

Странно было осознавать, что никто до Головина по большому счету всерьез этим не занимался. Использование только двух характеристик – частоты и амплитуды вибраций – давало при комбинировании столько данных, что хватало на половину науки.

С каждым днем сидения за приборами Головин все сильнее понимал, что открывает любые двери, от медицинских до геофизических. Желание эти двери пнуть становилось уже буквальным.

Смущало лишь отсутствие результатов. Поняв, что Маша с Андреем его обманывают и лишь имитируют нужный процесс, Головин посчитал, что имеет право на ответные действия.

Он называл это методом провокации – что-то вроде подкладывания канцелярской кнопки на стул. В качестве оной Головин использовал четыре изолированных проводка.

Отрицательный результат тоже результат. Измеряя параметры основных колебаний, он заметил и дополнительные – зыбкие, но постоянные. В зависимости от состояния объектов частоты эти бывали разные. Иногда они совпадали, и синусоиды резко подскакивали.

Резонанс. Именно он заинтересовал Головина.

Первый ток, который он запустил в провода, был совсем небольшим.

Ой... – подумала Маша. Андрей вздрогнул и перестал дремать.

Аспирант сидел в паре метров, вперившись в монитор. Провода шли под одеяло, под которым находились двое. Отношения между ними высвечивались на экране. Пик, которого он ожидал, взлетел выше нормы.

Объяснений этому не было. При наложении одной частоты на другую резонанс был слишком значительным. То, что скачок превысит сумму двух амплитуд, не удивляло. Все равно что удар под колено – последствия от него сильнее самого удара. Но не настолько.

Ситуация провоцировала нечто большее, чем просто скачки синусоиды на мониторе.

Через несколько дней это большее произошло:

Что-то сработало, по телам прошел импульс... – и Маша зависла в воздухе.

Длилось это доли секунды, но время остановилось.

Андрей и Головин, каждый со своей стороны, смотрели, не в силах пошевелиться.

Лодка качнулась.

Левитация Маши был единственной. Затяжной удар током – и Андрей увидел парящую над ним Машу. Помимо удивления и боли вспоминалось и что-то еще.

Удовольствие.

Он закрыл глаза.

Клева не было. Вода на поверхности плавилась, и те, кто еще шевелил плавниками, спускались на глубину. Но сигнал от лодок и тянущихся вниз снастей достигал их и там. Это была опасность, и она могла стоить жизни.

В одном лишь месте тревожного фона не было. Умиряющие флюиды шли от темного покачивающегося пятна, вокруг которого растекался свет. Подняться наверх, чтобы глотнуть воздуха, можно было только туда.

Андрей заметил, как кто-то дернул снасть. Потянув, после задумчивого сопротивления вытащил на поверхность леща. Тот выглядел индифферентно – дал довести себя до лодки, после чего, поняв, что его не очень-то и хотят, отпустил крючок и с осознанием значимости удалился. Эмоции выдал лишь хвост – прощальный всплеск вышел бурным и оглушительным.

Это заметили уже все.

С юга снова дохнуло злом.

Трое, знакомые по обыску лаборатории, направлялись ко входу в НИИ.

Один из них сверил вывеску с надписью на бумажке. Судя по наименованию, институт относился к заштатным. Это читалось и в поведении гостей – они не совершали маневров, говоривших о подготовке визита, и не таились, а просто подъехали к обшарпанному зданию на обычной «Волге» и зашагали к дверям.

Охрана не вызвала затруднений, хватило лишь недвусмысленной реплики и служебной ксивы в окошко. Единственное, на что сподобило стражу – предупредить об обеденном перерыве.

Поднявшись на нужный этаж, гости преодолели проход и открыли обычную без кодовых премудростей дверь.

Это была снова лаборатория. Аппаратуры в ней оказалось немного, да и та смотрелась непрезентабельно. Как и сотрудник, копавшийся в углу с антикварным прибором.

– Вам кого? – он повернул голову.

– Вы Дудинский? – вопросом ответил человек в сером.

– Я, по какому делу? – Дудинский с недоверием оглядел незнакомцев.

Человек в сером вынул удостоверение.

– Мы из службы безопасности.

– Какой, простите, безопасности? – Дудинский сощурился.

Стало заметно, что он не так уж замшел, как кажется. Как и лаборатория – в дальнем углу виднелись коробки, надписи на которых означали явный хай-тек.

– Той самой... – человек в сером, не дав рассмотреть документ, протянул распечатку.

– Вам знакомы эти записи?

Дудинский взял стопку.

– Чертовщина какая-то... коитус, либидус... по-моему, вообще не наш профиль.

Человек в сером перевернул лист и показал фамилию.

– Автора тоже не знаете?

Дудинский пожал плечами.

– Работал у нас... у них, недолго. Может и сейчас там. А зачем он вам?

Реплики, которые давались ему отчего-то с трудом, прервал звонок телефона. Он тут же снял трубку.

– Да, я... Погоди, тут пришли... – договорить не успел. Один из вошедших нажал клавишу аппарата. Официальная часть визита закончилась.

Обед продолжался.

На подходе к вахте человек в сером сдал Дудинскому руку. От нажатия импульс направился в мозг и предплечье ослабевшего вдруг завлаба. С выражением благодати на лице Дудинский проследовал с провожатыми к выходу.

Андрей проводил взглядом леща.

Парение в воздухе оказалось финалом. Головин достал им путевки в профилакторий, попросил не болтать об опытах и уехал.

Появилось время прийти в себя. Случай с невесомостью перевернул все с ног на голову. То, что выглядело безумием, дало результат, к которому они оказались причастны. Ощущение было, словно при зачислении в космонавты.

По возвращении в общежитие выяснилось, что это не так. Паганелево оборудование пропало. Исчез и сам Головин. Не звонил и на звонки не отвечал. Ночевать приходил лишь изредка, объясняя занятостью в лаборатории, по которой все больше отмалчивался. Или врал, неумело и без стеснения.

И они задержались. Затея, в которой никто из них ничего не смыслил, кажется, зацепила. Непонятно чем... Впрочем, понятно – скорее всего интригой.

А еще было то, в чем они себе не признавались – хотелось снова поймать невесомость. Было в этом что-то от наркозависимости. Кто-то подсаживается на иглу, кто-то на одноручных бандитов, они подсели на неизвестно что.

Из всех способов разобраться они знали только один – тот, с которого все начиналось. В субботу Головин был пойман, уболтан и усажен за стол.

Выпив несколько раз за науку, они стали спрашивать. Аспирант отнекивался, пытался прервать застолье, но угроз отправиться на дискотеку испугался больше. Это его и слома-

ло – на энной порции «студенческого» Паганель покривел окончательно.

– За нааауку... – произнес он, обведя собутыльников разнофокусным взглядом. – Только смотря какую.

Слово за слово, и прояснилось. Что не такой уж он неблагодарный, и рад бы ребятам помочь, но тема теперь закрытая. И не совсем уже чтобы мирная.

Чего-то подобного Андрей ожидал. Начавшееся с рассказов о разрушении мостов от резонанса с идущими в ногу солдатами рано или поздно должно было закончиться разрушением тех же самых мостов.

На этом тосты кончились.

И вообще все закончилось. Головин растворился в воздухе – непонятно, лег спать или просто исчез. Андрей хотел пожелать ему чего-нибудь на прощание, но слов не было. Маша, веселившаяся весь вечер, успокоилась и констатировала: – Мы были лабораторными крысами.

Говорить не хотелось.

В сущности, ничего не случилось. Покуролесили и ладно, пора было возвращаться к реальности. Сразу, конечно, сделать это было непросто, какое-то время требовалось на декомпрессию.

Возвращались старым испытанным способом. Приходя в сознание, Андрей пытался понять, сколько дней продолжалось безвременье. И замечал, что Маша находится каждый раз на все большем оптическом расстоянии.

А потом ее просто не стало.

Очнувшись, он обнаружил, что учеба идет своим ходом, но не такая, как раньше. Дисциплин стало больше, а главное, появилась новая напасть – курсовики. Сдавать их следовало до зачетов, но у своих он даже не знал названий. По привычке оставалось одно – пойти выручиться к тренеру.

Тот принял без удовольствия.

– Ну, знаешь... Что могли без тебя проиграла... – вид коуча говорил о желании сломать о подопечного какой-нибудь из спортивных предметов. Из таковых на кафедре была лишь линейка.

– Проиграли еще слабо сказано, продули с треском. Сам загулял, так еще и Казакову, бедную, втравил в это дело, – он вынул из папки бумагу. Это оказалась справка, которой ушлый Головин освободил их с Машей от физкультуры.

– Чем вы там занимались... общественно полезным?

Чем они занимались, говорить было нельзя.

На этом вопрос посчитали закрытым. Декан его закрыл окончательно. Идея бюджетного содержания спортсменов не нравилась ему изначально.

Отчисление Андрей воспринял без эмоций, можно сказать, на автомате. Как и все остальное – повестку из военкомата, подоспевшую на удивление скоро, походы на медкомиссию.

В армию, так в армию, – думал он, а скорее не думал, а ка-

кая-то часть мозга воспроизводила текст, напоминавший далекое эхо.

Даже сейчас, вне пространства и времени, он ощутил навалившуюся, как и тогда, апатию. Она накрывала подобно облаку.

На проплывающий мимо катер сознание не среагировало. Это был рыбнадзор, посматривавший за рыбаками. Те отвечали настороженно-злобными взглядами.

Сарафанное радио доносило, что в озере появилась ценная популяция рыб. Какая именно, никто не ведал, но водоем стала навещать рыбоохрана с полицией. Завсегдатаи, о браконьерстве не помышлявшие, предчувствовали продолжение – со дня на день мог появиться ОМОН, ломающий снасти по никому не ясному выбору.

Волны недружелюбия, исходившие отовсюду, заслонили ту, что снова накатывала из города.

Насилие теперь уже было открытым.

Действовали четверо – трое в черных куртках и старый знакомый в серой. Одежда первых выглядела характерно, но для времен, которые давно уже были забыты. Больше всего бросался в глаза водитель. Здоровенный шкаф по кличке Бизон смотрелся классически. Сто с лишним килограмм перекаченной массы делали его неповоротливым, что для водителя было плохо. Но прозвище свое он оправдывал – мог

зашибить любого, с разгона даже толпу, и это снимало любые вопросы. Претензии же по вождению, если и приходили кому-то в голову, были не столь важны. Главное на дороге, считал Бизон, дать увернуться другим. Собственный псевдоним Бизону нравился: во-первых, за красоту, а во-вторых, за амбициозность. Его, завсегдатая спортзала, подобное прозвище вдохновляло на результаты.

Ближайший коллега выглядел по-другому – поджарый и верткий, с холодными азиатскими глазами и соответствующим именем Линь. Бывший детдомовец без роду и племени, он воспринимал его как китайское – китайцы были в фаворе у любителей единоборств. Восточные виды мордобоя, в отличие от остальных, сопровождались философией примитивистского толка, оправдывающей все что угодно. Что для Линя, получившего кличку еще в детдоме, было весьма родным. Он и сам был олицетворением чего-то подобного – настороженностью и полным отсутствием человеческих признаков. Простяга Бизон выглядел на его фоне едва ли не пацифистом.

В паре они производили впечатление устрашающее.

Демонстрация одного происходила в гаражном ангаре. Бизон держал в кулаке бледного от непонимания Дудинского. Кудрявая голова завлаба моталась, как маятник. Бизон наносил осторожные удары, от которых Дудинский пытался улететь всем телом в пространство.

Спрашивал третий, крепко сбитый, с глазами невыспав-

шегося боксера:

– Дудинский... про вас говорят, что вы обо всех всё знаете. Нам известно, что вас возле этой лаборатории часто видели. Ответьте, наконец – где интересующий нас человек и его бумаги?

– Не знаю!.. – выдавливая слова, Дудинский смотрел не на говорящего, а дальше, за спину, где в конце гаража совершал движения нелюдь со скошенными глазами.

Бригадир (а спрашивал он) закурил и задумался. Он понимал, что завлаб, возможно, действительно ничего не знает. Иначе бы поделился – если не сразу, то с первыми же страшилками Линя. Восточной психоделики боялись многие. Да и резона скрывать что-либо стороннему человеку не было. Но в подобном деле лучше переборщить.

Он приблизился.

– Разговор у нас что-то не складывается. Пока он разминается, – он показал на Линя, – ты должен вспомнить. Неважно что, но ты должен принести пользу. Каждый должен нести пользу.

Докурив, Бригадир направился к выходу.

За дверь он обнаружил четвертого – человека в сером. Схожего возраста и комплекции, тот выглядел совершенно иначе. Неброско одетый, обычной наружности и с глазами неясного цвета и потому тоже серыми, в которых кроме спокойствия не прочитывалось ничего.

Сейчас в них было что-то еще. Что именно, Бригадир

не понял. Навалилось все разом – злоба на неудачные поиски, на руководство, заиклившееся на этих поисках. И на этого чистоплюя, явно из бывшей Конторы. Он взял Серого за рукав.

– Что морщишься? У вас никого не кололи?

– Как? – тот напрягся.

– Да вот так, – Бригадир показал на дверь. Оттуда донесся истошный вопль.

Серый подумал, что мог бы сейчас сломать ухватившую его руку. И настолько быстро, что Бригадир ничего бы не понял. Но лишь отвел взгляд от двери.

Дальнейшего Андрей не помнил. Выписка из общежития и сбор вещей к событиям не относились. Заберут ли в армию или оставят на осень, было без разницы. Говорили, весной призываться лучше – курс молодого бойца легче летом.

За отсутствием мыслей его и застал Головин. Выглядел он непривычно. О нем всегда можно было сказать, что выглядит он как-то не так, но в этот раз всклокоченность была не в рамках обычной шизофренической нормы. А главное – в пакете, который прижимал к груди аспирант, узнаваемо что-то звенело.

Общаться с ним желания не было. Но то, что последовало дальше, заинтриговало. Времени, потраченному Головиным от появления в дверях до налития первого стакана позавидовал бы любой алкаш. Андрей, как бывший пожарный, это

оценил.

– Закуска-то есть? – напиваться вот так вот запросто среди бела дня не хотелось.

– А то, – Головин доставал из пакета консервы, хлеб, минералку, соки и несколько банок пива, выстраивая композицию возле початого литра. Чувствовалось, готовился основательно.

Андрей взял одну из банок. – Может, пива? – день был не по-весеннему жарким.

– Пиво без водки деньги на ветер... – махнул Головин.

Классика из подобных уст настораживала. Вопреки крылатости выражения никто из знакомых данной смесью не баловался. Последствия от коктейлей были еще свежи в памяти. Чем грозит более маргинальный состав, так сразу в голову не приходило. Анализировать, впрочем, что-либо было бессмысленно. Они чокнулись, и Андрей налег на закуску. Сюрпризы сюрпризами, а потребность в питании никто еще не отменял.

Через полчаса они уже разговаривали как близкие люди.

– ...Какая армия?.. – Головин возбужденно ходил по комнате. – Ты знаешь, что там творится? ...Нет, я уважаю армию, ты не думай. Там и правда мужиками становятся. В конце концов родину все должны защищать. Но сейчас не война. Ты учиться начал, базовый курс прошел. Пойдешь служить, через год ни одного предмета не вспомнишь.

Они заново хлопнули.

– У тебя мозги сейчас неустойчивы. Половина извилин заполнена, при первом ударе... об окоп или танк там какой-нибудь... все же вылетит. Да и псковских десантников вспомни... – закончил он неожиданно. – Элита армии, не пехота.

О псковских десанниках Андрей слышал. История была давняя, еще чеченских компаний. Двухтысячной колонне боевиков дали проход на местности, занятой войсками, вывели на одинокое подразделение и отказали в поддержке гибнущей десантуре. Теперь получалось, события, казавшиеся далекими, могли стать и его. Службы он не боялся, войны тоже. Но подстав не хотелось.

– А еще дедовщина, – не унимался Головин. – На войну не пошлют, старики достанут.

Выпив минералки, он успокоился.

– В жизни надо делать то, что ты любишь.

– В смысле? – не понял Андрей. – На дискотеки ходить?

– Нет, я имею в виду профессию. Вот ты поступил сюда, учишься на инженера-системотехника. Учился, пока не отчислили. А какой ты к черту айтишник? Тебя любой школьник за компьютером сделает. Они с детских лет в железе копаются, они любят его, понимаешь? А ты что любишь?

Андрей задумался. Куда клонит собеседник, было неясно.

– Не понял, ты мне что предлагаешь?

– Твою ж дивизию... – Головин начал терять терпение. – Хорошо, вспомни, как ты сюда попал.

– Ну-у... – с этим было проще, – попал по спортивной

части. Тренер устроил, чтобы играть за вуз. А пошел... что мне, всю жизнь в пожарке работать?..

– Уже теплей, – оценил Головин. – В пожарке тебе не нравилось, в инженерах, судя по результатам, тоже. Но там и там ты играл в волейбол.

– Играл.

– Так почему ты, спортсмен, не пошел в институт физкультуры? На свою любимую специальность?

Андрей открыл рот и закрыл. Все было просто – настолько, что почему-то не приходило в голову. Столь явную очевидность хотелось осмыслить.

Головин гнал дальше:

– Пережди месяца два, пока призыв и все прочее. Искать тебя скорей всего будут, за отчисленными у вояк охота. Отсидишься и дуй потом в институт физкультуры, только не в Лесгафта. Сюда и в Москву берут профессионалов, а ты ведь разрядник, насколько я понял.

– Ну да, – почувствовав масть, Андрей налег на закуску.

– В провинцию тебе надо, в Смоленск какой-нибудь.

– Хорошо на словах. Домой неловко, учиться ехал...

– К родителям нельзя, – Головин выглядел все решительней, – в момент вычислят. Сейчас с этим строго. Облавы, засадки... дай подумать, – он поискал в сумке записную книжку.

– Есть одно место. На Карельском перешейке, моему приятелю от отца досталось. Сам он в отъезде, а ключи у меня.

Ты с рыбалкой как?

– Нормально, – соврал Андрей. Рыбаков он видел лишь издали, а рыбу в магазине.

– Отлично, пожить можешь там. И вот что, – руководил Головин, – накрыть в принципе могут в любом месте. Мало ли, случайно проверят. А документы легко пробить через компьютер.

– Что же мне, как партизану, из дома не выходить? – поскучнел Андрей.

– Ну, партизаны в лесу, а не по дачам. Насчет не выходить... – Головин задумался. – Есть один вариант. Я тебе дам свой документ на пару месяцев. Скажу в крайнем случае, потерял. Если что, выдавай себя за меня.

– Мы не похожи.

– Не факт, – Головин достал паспорт и сличил фото. Результат заставил его ухмыльнуться.

Они пошли к зеркалу. Головин снял очки, смочил из чайника голову, а потом примял волосы. И стал чем-то похож на Андрея. Такое же узкое лицо, темно-русая шевелюра со следами самодельной стрижки. Схожий рост выше среднего, с тем лишь отличием, что Андрея он делал стройным, а Головина непонятно кем.

Но это было только начало. Он надел Андрею очки, вскочил волосы и повернул к зеркалу. Результат ошеломил – сквозь расплывчатость линз на Андрея смотрело пугало, похожее на Паганеля.

Почему нет, – подумал он. Карельский перешеек. Пора брать судьбу в свои руки. На душе поскребло и затихло.

Застолье заканчивалось.

Уже засыпая, Андрей думал о том, каким внезапным опять оказался сосед.

Утром были сборы, Финляндский вокзал и переполненная электричка. Через два часа сонной езды с остановками возле каждого столба они высадились на безлюдной станции. После чего последовал марш-бросок через лес, приведший к крошечному и диковатому на вид поселку. Дача, похожая на сарай с окнами, стояла на самом отшибе выстроенного невесть кем хуторка у края небольшого болотца.

Хозяев этого чудо-терема не было.

Головин, показав дом, резиновую лодку и снасти, собрался уходить, но вдруг вспомнил:

– Вот еще что. Можно устроить тебя в одно место... попозже.

– В смысле? – Андрей ожидал уже чего угодно. Скажи аспирант об экспедиции на Ямал, он бы не удивился.

– Пока не знаю, не уверен, что выйдет. Дай паспорт, может понадобится.

Забрав документ, он уехал. Больше Андрей его не видел.

Глава 3

Вламываться без приглашения в квартиру Тимченко не хотели.

За последние годы в нескольких регионах прошла волна нападений на профессуру. Некоторые закончились летально и вызвали в обществе резонанс. Настоящего шума не было, наивные академики, призывая остановить убийства, требовали вернуть в стране смертную казнь. Газеты и телевидение, миглом утратившие интерес к ситуации, не поддержали старых маразматиков, не видящих ничего дальше своих бумаг. Но маразматиками считались еще элитой. И некоторых из них вместе с семьями поставили на контроль.

Бригадир это учитывал. Проводя поиски, в отношении квартиры Тимченко не торопились. Можно было нарваться на неприятности – профессор жил на Чайковского в квартале от здания ФСБ.

Но пока все было спокойно. Наблюдение показывало, что охраны в доме и по периметру нет. Чего ожидать по столь заурядному объекту, как никому не известный доктор наук, оставалось неясным. И все же требовалась осторожность – скромный завлаб слыл в узких кругах фигурой.

Это же относилось и к наблюдателям. Уральская ОПГ, а ранее Заводская, чьи бойцы томились в машинах, считалась когда-то как образцовой, так и самой знаково пострада-

давшей, в зависимости от этапа биографии.

Еще в 90-е, поднявшись за счет привычного рэкета, она отличалась четкой организацией структур. Но прославилась совершенно другим – явлением громким и необычным – борьбой с наркотиками. За рэкет их ненавидели, за войну с отравой поддерживали по многим каналам. Но длилось это недолго. ОПГ, погромев весь первый период, стала жертвой второго – когда накопление капитала сменилось попытками капитализма.

В большом промышленном городе это напрашивалось по умолчанию. Заводские контролировали район, прилегавший к заводу, известному на весь Урал. Предприятие разваливалось на глазах, переходя из государственной собственности в никакую – сборище производств во главе с временщиками, бывшими начальниками и их замами. Заказов не было, рабочие сидели почти без заработков. Завод ждал хозяина, который прибрал бы его к рукам и навел порядок. Дело было за малым.

Вопрос этот решался среди своих. Выборы будущего владельца обошлись без традиционных в таких вещах разборок. Договаривались полюбовно: за право выкупа предприятия «заводские» отдавали соседям часть интересов, оставляя себе основные. В том числе и ближайшие к заводу кварталы – чтобы было где жить и работать, не натыкаясь возле собственного дома на дружелюбные лица братьев-разбойничков из других районов.

Редкий случай, когда сделка устроила всех. На главный в городе куш зарились многие, но только из-за его размеров. Затея стоила денег, а как удержать подобного монстра, представлялось расплывчато. Ни в одной из бригад людей с хоть сколь-нибудь производственным мышлением тогда не было. Итээровцам, известным своей травоядностью, не приходило в голову вступать в реально-конкретные ряды. Проще обстояло с экономистами, знавшими цену деньгам. В прямом виде бандитствовать они не любили, но на сотрудничество велись. Разведка, состоявшая как раз из таких, по предприятию доносила – стоять ему без заказов. Все, что оно выпускало, было слишком большим и сориентированным на государство. А это настораживало.

Сдавать же в аренду имеющиеся корпуса было небезопасно, они все еще числились за серьезной отраслью.

Совсем по-другому смотрелся город. Как с ним работать, выглядело очевидным. Бригады росли, а темпы экономического развития снижались. Освоение же окраин Заводского района сулило подъем для целого ряда слаженных коллективов. Взамен сомнительных перспектив, а скорее полного геморроя для тех, кто возьмет завод.

Глава заводских, в отличие от коллег – как конкурентов, так и соратников – что делать с предприятием, знал. В какой-то степени это объяснялось его собственной личностью. Два курса политехнического института, закончившиеся отчислением по хулиганке, отражались и в имени – звали его

Инженером. Прошлое, оставшись на первый взгляд эпизодом, все же сказывалось. Он давно хотел чего-то подобного.

Переход к новой форме жизни прошел слаженно и без напрягов. Собрав со всех точек последнюю дань, подсчитали имеющиеся активы. С ваучерами и акциями, скупленными заранее, этого хватало для переподчинения завода. Механизм подготовки к смене хозяев был уже в запуске. По всем производствам шли собрания акционеров, готовились комиссии, прорабатывались варианты. Ждали лишь часа икс.

Все рухнуло в один день. Откуда взялся новый владелец и как он сумел прибрать к рукам такое огромное предприятие, никто толком не понял. Просто приехали из Москвы какие-то люди с бумагами, где с четкой доказательной базой было прописано, что предприятие продано неизвестному акционеру. Пакет акций, принадлежащий государству, также оказался под патронажем нового чужака.

Через какое-то время появился и он – дородный грузин, никому тогда еще не известный.

Больше всего поражала сумма сделки. Завод площадью в несколько километров обошелся в цену, за которую можно было купить ДК.

Стерпеть подобное Инженер не мог. Вот так вот запросто отдать свое, и кому... Ответить пришельцам предполагалось по всем фронтам. Поднять рабочих, убрать (и желательно покалечить) чужую охрану и поставить свою. Потом созвать собрание коллективов, где объявить свои полномо-

чия. Максимально наехать на покупателя.

Ничего из задуманного не получилось. Через день после обсуждения плана большинство заводских оказались по КПЗ, давая показания по самым разным делам. Порой неожиданным, но реальным.

Инженеру инкриминировали организацию заказных убийств. Через сутки его перевезли в Москву, где оказалось, что в деле присутствуют свидетельства бывших коллег и группы неведомых граждан, зато отсутствуют знакомые адвокаты – их попросту для него не стало.

Через год в городском суде прошел громкий процесс, на котором несколько заводских получили сроки за вымогательство. Там же было озвучено, что обвиняемые строили коварные планы захвата предприятия.

Еще через год был выпущен Инженер. Все обвинения с него были сняты в обмен на акции.

А грузин оказался совсем не грузин. А кто-то большой и неприкасаемый.

Вернувшись из негостеприимной столицы, Инженер обнаружил, что его группировка из заводской перешла в виртуальную. Пересажали не всех, и люди как будто бы были. Частично исчез молодняк, а оставшиеся переходить к конкурентам не торопились – не хотели на новом месте начинать курс молодого бойца. Материальная часть осталась: деньги, машины, оружие не пострадали. Но все как будто висело в воздухе. Района не было, он теперь принадлежал городско-

му сообществу. Не осталось и основного квартала. Пока одни были под следствием, другие в бегах, его сообща прибрали к рукам.

Жить и работать стало негде.

Для любой группировки это чревато – все, кто ее сместил, ожидают попытки реванша. У победителей в такой ситуации единственный выход – действовать на опережение. Перестрелять к чертям заводскую верхушку, разумеется, с Инженером, а оставшихся рассеять по коллективам.

Ситуация выглядела философской – не в классическом «быть или не быть», а в чем-то более важном. Определялось понятие, которого прежде не было – самого смысла выбора. Можно было атаковать, защищаться или начать маневры. Вопрос, ради чего. Возвращаться к началам, оставшимся в далеком прошлом... Инженер усилил охрану и просто стал ждать. Нужно было выяснить, откуда последует первый ход. А заодно прийти к выводу, как жить дальше. Осмысление вариантов казалось пока единственно правильным. Как человек, организовавший не один отстрел, он знал, что вопреки убойной статистике они часто срывались. Поэтому жизни на два-три случая он себе оставлял. На большее рассчитывать не приходилось. В этом плане закон был неумолим – если надо кого-то убить, пойдут на все, но убьют. Понадобится, пригонят танк и похоронят вместе с домом.

Пытаться вернуть район было бессмысленно. Казуистика ситуации заключалась в том, что если бы он попробовал от-

бить даже свой квартал, столкнуться пришлось бы не с кем-то отдельно, а с городом в целом. И квартал, и район не отошли никому, а делились на всех понемногу. Требовался какой-то выход.

Вариант с Петербургом объявился случайно.

Его привез Бригадир. Сбежав от ареста, во время следствия он просто исчез. Оказалось, что вместо Кипра, тайги или родной Ухты Бригадир отсиживался под Петербургом. А вернувшись, поведал массу занятного.

С его слов, Санкт-Петербург был чем-то загадочным – настоящим городом дураков. В нем никто не занимался наведением порядка. Местное население, двинувшееся на почве культуры, не умело ни организовать нормального рынка, ни регулировать. Все надзирательные функции были отданы приезжим. Рулили там все, кто хотел – казанские, тамбовские, московские и так далее. Мэр города косил под законченного интеллигента и подобными странностями не интересовался. Местные бандиты, по слухам, имелись, но вроде как в виде исключения. Создавать серьезные коллективы и держать районы никому даже не приходило в голову. Зато был популярен бизнес, считавшийся в других краях западлом – в Питере отнимали квартиры у стариков. По тому, как гладко все проходило, делалось это не без прикрытия сверху. Такой вот город контрастов – привлекательный и туземный. Приходи и бери.

Бригадир отсиживался в поселке Металлострой. Криминальный пригород, не обремененный интеллигентскими излишествами, даже не думал становиться чем-то вроде Люберец – подкачать молодежь и прихватить себе пару районов. И вообще держать территории там было не принято.

Инженер, слушая бригадирову сказку о земле Санникова, подумывал с недоверием, что так не бывает, и соратник его, после армейской контузии испытывающий определенные проблемы с действительностью, чего-то напутал. Вероятно, его заклинило и во время ссылки.

– И как они делят город?

– Кто? – уточнил Бригадир.

– Ну, эти, пришлые.

– По интересам. Одни рынками занимаются, другие наркотиками, третьи иномарками. Под кем-то порт. Есть даже те, кто чисто по криминалу...

Через месяц Инженер открыл в Петербурге транспортное агентство. Как он и думал, при ближайшем рассмотрении город оказался не так прост, как его видел соратник. Местные кадры присутствовали, но назывались почему-то одними из пришлых, которые контролировали большую часть региона. Складывалось впечатление, что и это лишь видимая часть айсберга. Городская схема влияния была настолько сложной, что ее еще предстояло осмыслить.

Осмысливали без торопливости. Чтобы не наломать дров,

открыли контору с десятком грузовичков – скромную, но с говорящим названием – «Урал». Идея казалась здоровой, заниматься малыми перевозками можно было в любом объеме, не сильно рискуя. И ни с кем особенно не пересекаясь.

Проблему с объявившейся вскоре крышей решили privately – заводские, (теперь уральские) вошли в партнерство с теми самыми местными, что выдавали себя за приезжих. Знали о соглашении немногие. В результате переговоров у уральцев появилось в Петербурге право на труд, а у местных засадный полк на случай коллизий. Еще одна неучтенная единица.

Уральской группы как будто бы не существовало. О ней лишь ходили неясные слухи, но есть ли в городе таковая, никто не знал.

Вслед за транспортом стали осваивать прочие формы жизни. Некоторые из них давали прибыль, соразмерную старому доброму рэкету. Лекарства, дорогие вина и мебель... все это требовало сохранности. Так появилось их первое охранное агентство. Оформленное больше для вывески, оно быстро заработало репутацию, что объяснялось просто – сберегали собственный транспорт и свои же грузы, а потому на совесть. Следом пошли заказы от смежников. И охранять уже предлагали не только товары, но и людей.

Пришлось брать инструкторов со стороны – профессионалов с соответствующей выучкой. Братва, имевшая свои на-

выки, для защиты добра еще как-то годилась, а вот с тонкостями человеческой материи уживалась не очень.

С поиском инструкторов проблем не возникло, безработных силовиков хватало. Постепенно процесс пошел – тех, с кого раньше брали мзду, начали охранять. Диалектический материализм в этом был очевидный, о котором, впрочем, мало задумывались, считая, что действуют по ситуации. Через инструкторов подружились с силовиками, а через силовиков и тех же охраняемых – с чиновниками.

Через несколько лет у Инженера и его заводских, которых уже и уральскими не называли, был свой развернутый бизнес, устойчивая репутация и положение. В городской жизни сплоченный диалектический коллектив был представлен достаточно, вплоть до нужных органов власти. Бизнес присутствовал самый разный, в умелых руках все горело и складывалось как надо.

В числе основных направлений появилось и то, что привлекло Инженера еще на Урале. Предприятия.

Одним из таких оказался НИИ «Элемент».

Находился он в аховом состоянии. Некогда институт выполнял отраслевые заказы и считался закрытым. Потом пошли известные странности: элементная база российского производства была объявлена бесперспективной. По приказу сверху Военпром стал заказывать микросхемы за рубежом. НИИ не закрыли, но по большому счету он стал нико-

му не нужен.

Директор института пытался образумить наивных, как ему думалось, генералов, чем подобные вещи чреватые. Новые стратегические партнеры, коих он открыто считал за жуликов, элементарно могли напичкать микросхемы клопами. И те заставляли бы боевую технику выполнять чужие команды, вплоть до самоподрыва. Если, например, на подводную лодку установить торпеды, оснащенные вражеским чипом...

Директора быстро убрали на пенсию.

Новый руководитель оказался разумней – и с пониманием, как двигаться в ногу со временем. Институт занялся конверсией, внедрив совершенно гражданскую разработку – интеллектуальную начинку для телевизоров. Но и в этой области наступил уже полный зарубеж. Электронные производства на заводах исчезли, осталась одна только сборка.

Тогда директор махнул на все и пригласил в НИИ иностранцев. Те подписали договор о совместной деятельности и привезли в подарок компьютеры. После чего отсканировали все последние разработки и растворились в воздухе.

Скорость, с которой отданная информация была запатентована в чужой собственности, впечатлила многих. Не прошло и месяца, как директор понял, что продал за рубеж всю институтскую науку. После вызова куда надо и бесед об измене родине он слег с инфарктом и неделю пробыл в реанимации. Проблуждав по мерцающему коридору между жизнью и смертью, директор выжил – но перед тем как выныр-

нуть на поверхность, почувствовал просветление. Суть его была в том, что есть вещи более важные, чем суета сует. Он вернулся на работу с осознанием того, что терять уже больше нечего.

Институт, а точнее то, что от него осталось, стал разрабатывать все что ни попадя. В том числе электронные средства слежения и защиты.

Охранное агентство «Уралтинг» было покупателем этих средств.

Инженер решил сим фактом воспользоваться. Прибрать к рукам институт целиком было вряд ли возможно, он еще числился на брони у серьезных ведомств. Но войти в партнерство, арендовать, что есть... почему бы и нет.

Пугать директора незаконным предпринимательством не пришлось. Переговоры со стороны агентства велись не с позиции силы, а от имени предприятия, имеющего за плечами легальный опыт.

Агентство на тот момент уже впечатляло. Отставные силовики, обучая охранному делу бойцов, для серьезных задач привлекали чаще своих. Инженеру это не нравилось, но в таких случаях, как с институтом, он понимал, что без официоза и связей, имеющихся у специалистов, не обойтись.

Это сработало. Директор НИИ, купившись на возможность стабильного финансирования, больше обрадовался все же отставникам. Пообщавшись с ними, он понял, что за-

казы в кои-то веки начнет получать от вменяемых и понятных структур.

Союз вышел органичным. Продукция института, традиционно не бросовая, с лихвой окупала науку, сведенную до минимума – чтобы оправдать само существование НИИ. Так себе представлял Инженер.

Но он ошибался. Уровень заведения никуда не делся. Несколько лабораторий, оставленных для баланса, работали как работали, отгороженные от администрации и главного корпуса. Что в них творилось, Инженера интересовало мало. Приплачивая, он хотел лишь, чтобы сотрудники не разбежались, не смотрели на сторону и не высвечивались с результатами. Институт должен был выглядеть никаким. Неудача с уральской приватизацией показывала – любая идиллия заканчивалась, стоило покуситься на что-то серьезное. Появлялись силы, имевшие доказательства всех прошлых дел и возможность упрятать любого авторитета. Если надо, без доказательств и даже самих дел.

Пока все протекало спокойно и без эксцессов. Затраченного на институт хватало, чтобы держать его на поверхности. Изменений за последний год практически не было. Никто не уволился, а из новых сотрудников приняли лишь одного – в лабораторию микроволновых процессов.

С этого и начались проблемы.

Расширения штата не намечалось. Основа партнерства

НИИ и фирмы «Уралтинг» состояла в том, чтобы просто выжить. Но прошло всего ничего, а директор вдруг обнаружил, что у него пустует штатная единица, и нужен сотрудник в лабораторию. Инженер, ничего подобного не припомнив, согласился без удовольствия. Баловать итээровцев не хотелось.

Дальше больше. В ту же лабораторию потребовалось новое оборудование. Об этом уговора уже точно не было. Но директор проявил невиданную настойчивость, пришлось уступить и в этом.

А потом в лаборатории случился пожар.

Предшествовал ему взрыв, небольшой, но загадочный – в институте, занимавшемся малыми токами, ничего сроду не взрывалось. Выяснить подробности удалось не сразу. Все, кого спрашивали, пожимали плечами, а кое-кто, похоже, темнил. Объяснения директора и завлаба были явно с недоговорками.

Парижские тайны со взрывами Инженер не любил. Можно было по старой памяти прижать директора или старичка завлаба и поговорить с ними по-человечески. Но вот так вот сразу переходить на нормально-конкретный язык с людьми, далекими от реалий, было недалёководным. Институт имел историю, таящую даже в новые времена сюрпризы. Непонятки могли оказаться любыми

Имело смысл позвонить Бригадиру. Выросший до неформального зама, тот курировал последнее время охранный агентствo.

Инженер набрал номер.

– Говорить можешь?

Через час они прогуливались по берегу Финского залива.

Местность, выбранная для встречи, производила странное впечатление – сочетание свалки с промзоной. Наезжая сюда, Инженер не переставал удивляться градостроительным странностям Петербурга. Город, выросший у залива, не имел полноценного выхода к морю. Вместо набережных и пляжей это были помойки и камнеломы. Заботливыми руками нескольких поколений берег был превращен в индустриальную клоаку, территория которой даже в местах, не застроенных предприятиями, занимали свалки, оформленные под ведомственные пустыри. Один из таких, маскирующийся под окраину парка, был местом встречи. Беседа требовала приватности.

Лучшего человека, чем Бригадир, для обсуждения не было. После Афгана и 90-х он отвечал за разного рода вопросы. Претензий к его работе не было, так лишь, чудил иногда по ушибленности, но без большого ущерба для дела.

Инженер смотрел на неспешно накатывающую волну. Финский залив ему нравился, была в нем непонятно-угрюмая близость. Сбоку от парка в залив впадал заросший водорослями канал, на котором ютилось некое подобие яхт-клуба. Глядя на сиротливо сгрудившиеся у причалов суденыш-

ки, невозможно было понять, как им удается пройти по столь мелкому фарватеру.

Когда-нибудь, когда ляжет масть, он мечтал навести здесь порядок – выкупить берег, разобрать завалы, расчистить дно и построить цивилизованную зону отдыха. Не привычную, где нет ничего кроме песка, валяющихся тел и баров, а настоящую – со спортплощадками, лодками, рыбалкой и досками с парусом.

Пока вокруг ничего кроме мусора не было. Начиналось лето, опять обещающее быть серьезным. Климат менялся, и в пекло, которое с каждым годом накатывало внезапно, город превращался в китайскую душегубку у издевательски недоступной воды.

Действительно город дураков, – подумал он.

Местные жители с первых дней пребывания в Петербурге бросались в глаза какой-то особой придурковатостью. В этом не было ничего удручающего, скорее наоборот, она привлекала. Эти люди непонятно чем жили, чего хотели и по ощущениям тихо сходили с ума. При том, что уровень специфической, ненужной по жизни продвинутости был здесь чрезвычайно высок. В этом городе даже матом ругались иначе – однажды он слышал, как два алкоголика, мирно беседующих у памятника Тургенева, вдруг перессорились и начали посылать друг друга на «вы». Невольно хотелось помочь этим задержавшимся в своем мире ботаникам.

Сейчас, впрочем, было не до лирики.

– Что думаешь о пожаре? – он посмотрел на Бригадира.

– Пожар как пожар, – тот пожал плечами. – Микроволновая лаборатория, название говорящее. Обычную микроволновку оставь без присмотра, может и она загорится. Потушили своими силами, а в объяснениях я не все понял.

– Вот и я не понял. С лабораторией этой что-то не ясно. Надо прослушать директора и завлаба. Можешь организовать без спецов? Чтобы знали лишь я и ты?

Бригадир кивнул. Помимо того, чем озадачивал босс, специалисты со стороны смущали его не меньше. Они прибирали к рукам агентство, а это из-за особенности их профессий выглядело проблемой.

Дальше тему не развивали. Побродив, разошлись по машинам.

Микрофоны в лаборатории и кабинете директора Бригадир устанавливал не сам, а с помощью единственного человека, которому доверял в подобных работах – Серого. Из неизбежного зла в лице посторонних Серый был злом наименьшим. Законченный одиночка, не имевший связей с коллегами или еще с кем-либо. В прежней жизни, закончив вуз, служил недолго в Конторе, но не в оперативных службах, а технарем в охране объектов, откуда и вылетел за ненадобностью. Работал в разных местах, ни в чем подозрительном замечен не был. А главное, Серый умел молчать.

Прослушка показывала, что с интуицией у Инженера в по-

рядке.

Из лаборатории ничего интересного не доносилось, так лишь, несущественный обмен репликами, сменившийся вскоре затишьем. А вот разговор в кабинете директора заинтересовал.

Начало записи успокаивало – чужих заказов лаборатория не выполняла. опыты проводились сугубо свои, институтские. Но разговор о них шел на таком голосе, что его захотелось осмыслить. Инженер в третий раз прослушивал спор между директором и завлабом.

Директор: – Владимир Данилыч, оборудование я выбил, но только взамен пострадавшего...

Завлаб: – Этого мало, опять сгорит либо возни на годы.

Директор: – Считайте сколько угодно, но пожаров больше не надо. Тем более взрывов.

Завлаб: – Если бы установили приемный блок в Заболоцком, как я просил, ничего бы и не случилось.

Директор: – Господь с вами, какой Заболоцкий. Самим бы выжить.

Завлаб: – Георгий Иваныч, эта тема единственная, чем мы сейчас сильны. Вы интернетом балуетесь?

Директор: – В смысле?

Завлаб: – Лаборант откопал... фамилии Кулик и Филиппов... Слышали о таких?

Директор (с сомнением): – ...Вы серьезно?..

Завлаб: – Ну... история спорная, конечно. Но результа-

ты... они ничего вам не напоминают?.

Директор (после длительной паузы): – Смотря какие...

Дальше звука не стало, восстановился он на фразе завлаба.

– ...лучше гражданскую составляющую, происходящее мне не нравится.

Директор: – Вы о чем?

Завлаб: – Происходящее? Ну... с военкой сейчас сами знаете – неизвестно, чем все закончится.

Директор: – Я не об этом. Что вы имеете в виду под гражданскими составляющими?

Завлаб (помолчав): – Как насчет передачи энергии на расстояние?

Директор: – Ну-ну...

Завлаб: – Я серьезно. Институт на пожизненное довольствие примут.

Директор (помолчав также): – Если не закопают...

Инженер остановил запись.

Из услышанного он знал для начала о Заболоцком. Так называлась железнодорожная станция, возле которой располагались закрытая база и полигон. То, что испытывали на этом объекте, чаще горело, стреляло или взрывалось.

Кто такие Кулик с Филипповым, и какие опыты проводились в лаборатории, предстояло выяснить.

Человек для подобных случаев имелся. Младший науч-

ный сотрудник с популярной когда-то фамилией Калинин, года три назад попавшийся на продаже подслушивающего устройства. По несчастливой случайности предлагал он его незнакомцам, не догадываясь, что покупатели из «Урал-тинг» – готовящегося в тот момент стать совладельцем его родного НИИ. Пойманный на содеянном, он признался, что зарабатывал дочери на компьютер, и серьезных мер к нему не применяли. Обошлись лишь помятыми ребрами и открученным ухом, а также признанием в попытке продажи секретного устройства иностранному лицу (одного из покупателей оформили латышом). Готовность сотрудничать при такой бумаге подразумевалась по умолчанию.

Уламывать Калинкина не пришлось, подробности своего проступка он помнил, а услуга требовалась не безнравственная или опасная, а скорей никакая.

Сообщил он следующее. Лаборатория микроволновых процессов в институте на особом счету, так как руководит ей Тимченко Владимир Данилович – доктор физико-технических наук и профессор Технического университета, человек во всех отношениях неординарный. Равнодушный к регалиям, занимается только наукой и поднял за карьеру несколько громких тем, чего хватило бы на член-корра, а может и академика. Звание доктора получил, не защитив по сути ни одной диссертации, по совокупности достижений, отмеченных премиями. В лаборатории Тимченко нерегулярно и больше бывает в вузе. Объясняет это тем, что нынешняя наука коту

под хвост и нужно готовить кадры, которые сами придумают, как выбраться из сложившегося абgrundа.

В лаборатории кроме него лишь один человек – младший научный сотрудник Головин, аспирант того же университета, что и Тимченко. Чем они занимаются, неизвестно. Тимченко ничего не объявлял, а тема Головина «Прикладное использование микроволновых процессов» мало что объясняет – все равно что «использование физики везде». Единственный человек, который может косвенно что-то знать (тут на совестливого Калинкина пришлось нажать) – старший научный сотрудник Дудинский. Человек оборотистый и мечтающий о более перспективном месте. Дудинский заходил регулярно в лабораторию воспользоваться приборами или чем-то еще, а скорее из любопытства – взамен подсчетов для Тимченко. Совсем недавно Дудинский новое место наконец получил, завлабом в другом НИИ.

Информация по Филиппову и Кулику была из Сети – и выглядела беллетристикой. Филиппов незадолго до революции занимался опытами по передаче энергии на расстояние. Помогал ему некий коллега, фамилия которого не сохранилась. Оба погибли с разницей в несколько лет при невыясненных обстоятельствах. Опыты имярек сопровождались взрывами разной силы, первый из них уничтожил лабораторию, в которой проводился эксперимент, а последний будто бы целый полигон на Дальнем Востоке вместе с комиссией. Все результаты исследований были уничтожены Филипповым в 1913-

м, так как, преследуя исключительно научные цели, вели к появлению оружия чудовищной силы.

С какого тут боку Кулик, было неясно. Геофизик, руководитель нескольких экспедиций по исследованию Тунгусского метеорита. Хотя... среди выдвинутых версий происхождения небесного феномена Кулику приписывалась и неофициальная, связанная как-то с Филипповым.

Дальше шла общая справка.

Тема беспроводной передачи энергии на расстояние поднималась неоднократно, но разрешения не получила. И препятствием в этом чаще была не наука. Известны два громких примера.

Первый. Предположительно в 1929-м Никола Тесла направил из США некие волны, включившие лампочку на другой стороне планеты, в Австралии.

Второй. В 1936-м году итальянец Маркони остановил с помощью схожих волн колонну машин, отключив у них электричество.

В обоих случаях опыты продолжены не были – предположительно после того, как инициаторы посчитали их слишком опасными в последствиях.

Последний раз об успехах в этой области заявлял некий ученый из ближнего зарубежья, демонстрировавший свои опыты на лабораторном столе и требовавший финансирования.

Это была информация, которую выдал Калинин. Но не все, что он нашел в Сети.

Он понимал, что влип. Не склонный ни к воровству, ни к предательству, он страшно переживал случившееся. Передатчик, с которым его поймали за руку, был сделан из списанных на работе деталей. На это подтолкнули обстоятельства, не считаться с которыми он не мог. Привыкший жить от получки к получке, он смирился со скучными реалиями и даже находил в них свои удовольствия. Вместо курортов ездил с женой и дочерью в лес, объясняя это любовью к природе. Ресторанам предпочитал компании, развлечениям книги. Единственное, что не ладилось в этой системе координат – наблюдать, как дочь стесняется показать одноклассникам антикварный компьютер и ходит в школу без гаджетов.

Оправившись от неприятностей, компьютер он все же добыл, бывший, конечно, в употреблении, но боевой. Старый и самосборный, тот время от времени зависал, но этим лишь оказал услугу – дочке пришлось изучить его от и до. Как раз на нем, пережившем пару апгрейдов, Калинин и отыскал информацию, нужную не заказчикам, а себе.

Что с этим делать, он не знал.

Глава 4

Головин пытался пить чай. Сидел за столом, смотрел на луч света, пробивающийся сквозь жидкость в стакане, будто через магический кристалл, и пытался сосредоточиться. Причиной было случившееся в лаборатории.

Смысловой ряд не складывался.

Он все помнил в деталях. Когда пластина у дальней стены, на которую был направлен сигнал, взорвалась, у шефа сделалось замороженное лицо. Он долго смотрел на начинающийся пожар, наконец произнес:

– Боюсь, это не то, что нам надо.

От магического кристалла пришлось отвлечься.

В комнату зашел человек – решительно и вместе с тем как бы боком.

В повадках гостя, показавшегося смутно знакомым, просматривалась напряженность. Закрыв дверь, он осмотрелся, заглянул под кровать, затем переместился к окну и задернул шторы. После чего достал из кармана пластиковую коробку и стал водить ею в стороны.

Подобную мыльницу Головин уже видел. Такая была у Дудинского, когда шеф вызывал его в лабораторию. Как и нынешний гость, он бродил вдоль стен и в итоге что-то нашел. Шеф, казавшийся прежде рассеянным, после взрыва впал в партизанскую подозрительность. Головина попросил

ни с кем не общаться, а Дудинского устроил куда подальше, завлабом в другой НИИ. Зачем понадобилось удалять бесплатного во всех отношениях помощника, так и осталось загадкой.

Закончив с мыльницей, человек успокоился. Инопланетян в доме не было.

– Может, чаю? – предложил Головин.

– Нет, спасибо, – гость подошел к столу и достал из сумки бумаги. – Вас зовут Головин? Олег?

– Да. Кофе?

– Олег, я зашел предупредить вас. Возможно, речь идет о больших проблемах. Это как-то связано с вашей темой и событиями в лаборатории. Те, кто ими интересуются, описаны здесь. Прочтите и уничтожьте. А меня вы не знаете и не видели. Хорошо?

Головин кивнул.

– Как скажете...

Человек открыл дверь, выглянул и исчез.

Головин задумчиво посмотрел сквозь магический кристалл. Наивные подозрения шефа начали материализовываться. Он стал читать.

...«ЗАО «Уралтинг». Зарегистрировано в Санкт-Петербурге. Учредители такие-то.

Официальная сфера деятельности: инвестиции, недвижимость, строительство, организация и аренда торговых и промышленных помещений, автоперевозки, охранный деятель-

ность, торговля...

Неофициальная – бандитизм. Вымогательство, рейдерство, похищение людей, присвоение имущества, незаконные финансовые операции...

Генеральный директор Колесников Дмитрий Вячеславович, 1969 г.р.

Он же помощник депутата Государственной Думы, депутата Законодательного Собрания и депутата Муниципального Образования.

Он же – руководитель организованной преступной группировки «Уральская», ранее «Заводская». Криминальное прозвище Инженер.

В середине-конце 90-х находился под следствием как организатор ОПГ, а также серии вымогательств и заказных убийств. Дело прекращено за недоказанностью...»

Подробностей было на несколько страниц. Головин задумался. Как всякий интеллектuala он считал себя сторонником относительности. Потому знал: любой капитал зарождается одинаково – с дракой, стрельбой и прочей классикой из политекономии. Ничего нового на сей счет в бумагах не было. Сами записи это же и подтверждали – сведения в них приводились из очевидного прошлого.

Было и будет, подумал он. Инопланетянам следовало угомониться.

В понедельник он зашел на кафедру и только после обеда

в НИИ. Жизнь продолжалась.

В фойе института, открыв громоздкую дверь и пройдя через турникеты, он понял, что это не так.

Напротив входа висел портрет его субботнего гостя. Того самого, искавшего инопланетян. Портрет окаймляла черная полоса. Калинин Николай Петрович... – прочел Головин, – ...трагически погиб... дата стояла субботняя.

Во рту пересохло. Относительность мироздания не подтверждалась.

Ступор длился недолго, через минуту ноги сами несли его в туалет. Заскочив в кабинку, он закрыл дверь и лихорадочно начал думать. Одно было ясно сразу – что ничего не ясно. На этом мысли заканчивались.

За выходные погиб человек. В бумагах, принесенных этим человеком, написано, что если нужно, за продолжением дело не встанет. И за всем этим стоят какие-то представители зазеркалья. Они уже были в лаборатории, он видел странного типа с описью, тот походил на кого угодно, но только не на сотрудника. Отсюда вывод – надо что-то решать. А пока делать ноги. Вопрос лишь в том, как именно – сразу или чуть позже.

Получалось, что позже. Оставлять в лаборатории материалы было нельзя. И главное, пообщаться с Тимченко. Он достал мобильник. Номер профессора не отвечал, как и все остальные – кафедры и домашний.

Пора. Выйдя из туалета, он постарался придать лицу вы-

ражение безмятежности – образ физика-лирика между формулами и авторскими песнопениями – и двинулся к лаборатории. Выдавала только походка: она стала будто у бабочки, не желающей оставлять следы.

В коридоре, к счастью, не было никого.

Зайдя в лабораторию, он тут же рванул к компьютеру. Включил, набрал пароль и скопировал файлы. Вставил брелок с исчерпывающей надписью «ЗЛО». Щелкнул клавишей, и стирание началось.

Через пару минут компьютер удалил все файлы, забыл о них, после чего забыл что он компьютер.

Когда все заканчивалось, Головин забрасывал в сумку бумаги с носителями.

К вечеру он стоял перед Андреем. С алкоголем, пакетом и планом действий.

Утром их уже не было в городе.

Глава 5

– И какого лешего было его пугать??? – вид Инженера не предвещал ничего хорошего.

Со смерти Калинкина прошла неделя, и все будто бы улеглось. Сейчас, когда исчез аспирант, события связывались воедино.

Бизон ощутил внезапную жалость к себе.

– Вы сказали, походить за ним, посветиться. Подойти, если что.

– И ты подошел... – голос Инженера сделался вкрадчивым.

– Да, с дружелюбной улыбкой.

Инженер подавил мучительный вздох. От улыбки стоявшего перед ним бугая можно было попасть под машину. Что, собственно, и произошло – наткнувшись на оскалившегося во всю пасть Бизона (радовался тот совершенно искренне, потеряв чуть раньше объект из виду), Калинкин бросился на другую сторону улицы. Дальше классика – визг тормозов, удар...

Без педагогики тут было не обойтись. Инженер направил на подчиненного тяжелый взгляд.

Бизону стало не по себе. В очередной раз подумалось, как плохо все-таки быть бандитом. Никакой романтикой в этой профессии и не пахло, могли закопать за любую провин-

ность. Вспомнились парни из Набережных Челнов, попавшие под раздачу. И мать, собиравшаяся отдать его в музыкальную школу. Играл бы в ансамбле, как ребята из «Смысловых галлюцинаций», такие же, как и он, мордастые, и ничего, популярные, и никто ими не командует...

...Зачем топтать мою любооовь...

Инженер прислушался. Поблизости кто-то беззвучно пел, хотя никого в помещении не было. Кроме него и гоблина, прикидывающегося невинной овцой. Галлюцинации...

Он думал о том же, что и Бизон. Когда вокруг головорезы, как этот, приходится быть начеку – каждый день, да что там день, каждую минуту. Иначе никак, дашь слабину и каюк. По уму стоило бы раз в полгода устраивать экзекуции в назидание, как в старые времена. Но пока, тьфу-тьфу, хватало и взглядов. Пальцы что ли, начать рубить, как у японцев? – подумал он с безысходностью.

Жесткость, необходимая в серьезных делах, порой удручала. Некоторые из нужных людей оказывались впечатлительными до крайности. Впадали в ступор и шарахались как от чумы при виде вещей, которые еще недавно были обыденностью. Игнорировать их последнее время не получалось. С Головиным и его профессором предполагалось нормальное, без лишних коллизий сотрудничество: дать денег, чтобы работали и не отвлекались на мелочи.

Насколько он понял Калинкина, передача энергии сулила глобальные выгоды, причем в нормальной экономической

области, никоим образом не военной. История со взрывами и прочей чертовщиной возникла как побочный эффект, и она его не интересовала.

Вопреки слухам бандиты не любят связываться с оружием. Тема эта, на первый взгляд очевидная, для них по большому счету закрыта. Арсенал любой группировки состоит из десятков стволов, не больше. И выглядит несерьезно в сравнении с обычным схроном боевиков. Казалось бы, для собственных нужд ничего не жалко, но все знали – засветишься с чем-нибудь круче АК, сгоришь.

Для торговли тем, что действительно считается оружием, начиная с подствольников и пулеметов, необходимо серьезное прикрытие. Все каналы полностью под контролем лиц, близких к органам власти. Бандиты, ангажируемые для таких операций, редко являются владельцами товара и даже собственной жизни. Что уж говорить о категории, называемой вооружением. Продажа любого самого захудалого комплекса решается на межгосударственном уровне и отслеживается спецслужбами. В этот клуб не пускают даже обслугой. Попытки войти туда с черного хода заканчиваются плачевно. У всех на слуху была гибель группы, пытавшейся продать ракетные комплексы на Балканы...

Чем чревато оружие массового поражения, Инженер не хотел и думать. А разработка Головина тянула на что-то подобное.

Билет в одну сторону.

Но выбора не было. Главным представлялось найти Головина, а дальше по обстоятельствам. По той информации, что вытащили из Дудинского, вся разработка держалась именно на аспиранте. Тимченко, наворотивший за жизнь массу дел, в этот раз был в качестве ассистента и лишь помогал продвинутому ученику.

После того, как исчез Головин, не удалось найти ничего – ни в лабораторном компьютере, ни в бумагах. Оставался только профессор. Он единственный мог прояснить ситуацию.

Разговор с Тимченко не заладился сразу. Застали старика в университете на кафедре. Ехать в офис он отказался, а в НИИ его последнее время не видели. Для приватной беседы требовалась соответствующая обстановка, но увозить профессора было все-таки не с руки. Ни о каком добровольном сотрудничестве тогда не могло быть и речи. Пришлось довольствоваться тем, что есть – кафедрой.

Беседа вышла занятой. Едва Инженер представился, Тимченко, сверившись с какой-то бумагой, переспросил:

– Колесников Дмитрий Вячеславович, генеральный директор «Уралтинг»... что вы хотите?

Инженер собирался начать издалека, но передумал.

– Сотрудничества, Владимир Данилович. Обыкновенного сотрудничества, на взаимопользней основе, – он поискал стул и сел на ближайший, донельзя изношенный. – Мы хо-

тим финансировать ваши исследования в институте. Вначале, естественно, ознакомившись с их описанием и уже полученными результатами.

Профессор вместо ответа протянул стопку бумаг, в которую заглядывал.

– Тогда почитайте.

Это были бумаги Калинин. Инженер почувствовал ломоту в зубах. Забытую, оставшуюся с тех пор, когда проблемы были обыденностью. Захотелось двух вещей сразу – оказаться в тире, стреляя, пока не разнесешь мишень, и прожаренного мяса с кровью. Он посмотрел на профессора, как на то и другое.

– Откуда у вас это?

– Из общих источников.

Источников... мать их... мысли путались. Первая реакция не проходила, и то, чем представлялся старик, описанию не поддавалось. Тимченко тоже заметно нервничал. Но буд-то бы и заводился.

– Человек, который это принес, попал под машину. Сотрудничать предполагается на таких условиях?

Мозгляк, подумал Инженер, ты должен сотрудничать по любому. Он смотрел на старика, собиравшегося ерепнуться дальше, и понимал, что ситуация патовая. Он мог раздавить старого гриба, изображавшего из себя физика в законе, без ненужной лирики, но вынужден был разговаривать. Вспомнились рассказы о сталинских шарашках – там

эта публика не задавалась вопросами.

Но пора было останавливаться. Умей он лишь давать волю нервам, был бы не здесь, а на кладбище. Он сделал усилие и переменял лицо из напряженного в усталое. Словно Колумб, преодолевший тысячи миль и готовящийся охмурить очередного вождя индейцев.

– Вынужден вас разочаровать. Или успокоить, не знаю, что правильней. Все, что здесь написано, выдумки. Дела против нас были сфабрикованы. Как вы себе представляете – ваш институт, и вдруг подобное. Сейчас же не 90-е. Это все конкуренция, знаете ли. А смерть сотрудника этого... Калинкина... поверьте, была случайной. Он действительно попал под машину, мы проверили. Не скрою, имел место неприятный разговор незадолго до печальных событий, но он касался внутренней дисциплины. Не убивать же за это, согласитесь... – стул шатался и был неудобным. Он поднялся на ноги.

– Давайте называть вещи своими именами. Институт всегда работал на государство. А сейчас он по сути в вакууме. Все ваши достижения ушли за рубеж. В благодарность вам даже толком не платят. А наше, я подчеркиваю, наше предприятие – вас финансирует. И собирается это делать дальше. Поставляя нужное оборудование.

– А результаты продадите? Опять за рубеж, только в этот раз с выгодой для себя?

– Да нет, с чего вы взяли. Продавать идеи бессмысленно,

зарабатываешь один раз, потом все заново. Да и не продать сейчас воздух. Это раньше в благородство играли, сейчас меняют несколько слов в патенте и он уже не ваш, а чужой. Тут самим делать надо. Попытаемся реализовать полученные наработки, наладим, если потребуется, производство.

– Производство чего???... – профессор не договорил и начал ворошить бумаги.

Инженер молчал. Он чувствовал, что старик от эмоций переходит к делу. Но лучше не стало. Перестав копаться в бумагах, Тимченко смотрел без всякого понимания. Зазвонил телефон, он взял трубку.

– Да, кафедра, Тимченко. Я в курсе... дайте подумать. Хорошо, сколько вас? Приходите, жду.

Через минуту охранники, не пускавшие никого на кафедру, были сметены напористой группой студентов. О противостоянии не могло быть и речи – профессор обещал подмахнуть зачеты взамен заболевшего преподавателя.

Встреча закончилась.

По пути в офис Инженер думал о превратностях метода кнута и пряника. Пряники он ненавидел.

Раздвоение личности не бывает буквальным. Обычно это выглядит так: человек в нормальной жизни, скажем, мужчина, а думает, что он женщина. Физически он один, раздвоению подвергается лишь его психика.

Сейчас раздвоение было буквальным. Пока Андрей Со-

колов отдыхал на озере, другой человек с теми же именем и фамилией находился в городе. Точнее пытался оттуда уехать. Неприятности вызывали желание исчезнуть подальше – в места, которые ассоциируются с понятием Тмутаракани, края света, у черта на куличках, в общем, сбежать, и сбежать надолго.

Расставшись с документами Головина, аспирант вживался в роль Соколова – придурковатого малого, отчисленного за академическую неуспеваемость и находящегося на перепутье.

Ход был не самый умный и, чего уж там, будто из сериалов. В этом и состояла суть – выглядеть наименее вероятным. С другой стороны, многие, кому приходилось скрываться, использовали сей незамысловатый прием. И причем успешно. История полна таких случаев.

Выдавать себя за другого конкретного человека Головин не совсем чтобы и собирался. Это был страховочный вариант. Если понадобится, обманный. Что-то подсказывало – лучшая защита это хаос.

Вначале он посетил парикмахерскую. Процесс лишения волос в качестве первого рубежа заставил задуматься о превратностях моды. Со слов припанкованной девицы, щелкавшей ножницами в опасной близости от ушей, пришло время, когда главной стала армейская стрижка.

– Мы сделали это!.. – говорила она.

Звучало странно, особенно в сочетании с хайером самой

девицы, годящимся для чего угодно, кроме привычного понимания армии. Но правила определял не он. Скрываться в толпе одинаково стриженных представлялось проще.

Контактные линзы были заказаны и ожидались скоро. А пока он отвыкал от очков и разучивал новую, не характерную для себя походку. Оставалось определиться с маршрутом и конечным пунктом исчезновения.

Для временной паузы лучше всего подходил ближний Север. Что-то вроде Карелии или Кольского полуострова, куда добираться быстро, много шабашек, не требующих серьезного оформления, и если совсем припрет, близка граница.

Задержали его на Ладожском вокзале.

Терминал осваивал новую систему безопасности. Связана она была как с замысловатой конструкцией здания, так и с наличием рейсов с юга. По случаю образцовости мероприятия бдили на вокзале прилично.

Работали три наряда.

Сержант Приходько, поигрывая выданным только что новшеством в виде карманного гаджета, прохаживался по залу, высматривая в толпе что-нибудь подозрительное – эдакую незаконну подляну, которую можно было бы задержать и проверить с помощью новой техники. В отличие от сослуживцев, увлеченных поисками альтруизма на отдельно вверенной территории, Приходько мечтал о сыскной карьере. Ради этой мечты он не вернулся из армии в Краснодарский

край, где все ему в принципе нравилось, но образование было платным, а остался в холодном Питере по оргнабору, надеясь поступить потом в школу полиции.

Для осуществления мечты следовало проверять для начала все подозрительное и странное.

Человек, попавшийся на глаза, на подозрительного пожалуй что не походил. Но странности в нем хватало. Передвижения незнакомца выглядели ненатурально. Напоминал он не пьяного или наркомана, а кого-то, не слишком ориентирующегося в пространстве. Будто инопланетянин, осваивающий привычку ходить. Такой мог оказаться любым – от обычного неадеквата, коих в городе было навалом, до террориста, накаченного тротилом.

Пристроившись рядом, сержант отсек гуманоида от толпы.

– Сержант дежурной службы Приходько. Ваши документы, пожалуйста, – произнес он, оказавшись на нужной позиции. В голове мелькнула запоздалая мысль, что незнакомцу, окажись он террористом, стоило прихватывать руки, а не представляться.

Ничего, подоспела мысль номер два, дернется к сумке или к поясу, дам в зубы. Но обошлось. Незнакомец, оказавшийся по документам Соколовым Андреем, назвался студентом Технического университета.

Задействованный компьютер среди преступного контингента его не обнаружил. Но и в обычной базе данных тоже.

Приходько почувствовал масть – вцепился задержанному в рукав и, не слушая бормотаний о временном прекращении учебы, потащил в дежурку. Там не было никого. Интуиция, в которую он верил все больше, выдала мысль номер три – не передавать информацию, а проверить дальше. Позвонив для начала в названный университет.

После долгих переговоров с тамошними инстанциями, ведущими себя на удивление бестолково, наконец соединили с отделом кадров. Трубку снял сам начальник. Он был первым, кто вник в ситуацию. Судя по голосу, из военных.

Они сразу же поняли друг друга. Вибрация перешла из одной трубки в другую и соединилась в знаковой комбинации «свой-чужой».

Разговор между сержантом и бывшим майором внутренней службы оказался решающим. Маятник качнуло в нужную сторону.

Начальник отдела как будто бы ждал звонка.

– Соколов... есть такой. Был, если точно, отчислили разгильдяя. Натворил что-то?

– Нет, – успокоил Приходько, – ничего особенного, задержали, проверка документов.

– Правильно задержали, – подтвердил кадровик, – насчет него из военкомата звонили. Прошел медкомиссию, а как в армию, так сбежал, подлец.

Ему, человеку служивому, подобное было не по душе. Как и сержанту – отрубив срочную, он считал уклонистов геями

нетрадиционной ориентации.

К вечеру Соколов-второй был доставлен на призывной пункт.

Лежа на голом матрасе, пахнущем дезинфекцией, он пытался осмыслить происходящее. Было ясно только одно – жизнь решила все за него.

Теория хаоса не обманывала.

С утра Инженер пребывал в неопределенности. Состояние было обычным для Петербурга, но он с этим раньше не сталкивался – и потому чувствовал себя муторно и непонятно.

Последние события требовали раздумий. Неделю назад поступило известие о сходе авторитетов в Сургуте. Оттуда же пришло предложение приехать на следующую встречу или прислать кого-либо из своих. Звали прочесть что-то вроде лекции уважаемому сообществу. Говоря проще, поделиться опытом. И тема собрания, и опыт, о котором шла речь, были знакомыми. Хотя для криминала, можно сказать, вне профиля – борьба с наркотиками.

Серьезных людей беспокоило зелье, косившее местную молодежь. Для промышленного региона это грозило нехваткой рабочих рук и потерей прибыли. Весь наркобизнес Сибири находился в руках чужаков. Наблюдать, как они беспределают, превращая подростков в тупых и ни на что не год-

ных овощей, надоело всем и давно. Даже бывшим коллегам. Местный криминал по давней привычке испытывал к наркоте не то чтобы неприязнь, но настороженность как минимум. Бороться собирались не только с пришельцами, но и с отравой.

Вариантов борьбы обсуждалось много, от устранения дилеров до исправительных лагерей.

Уральский метод содержания наркоманов в неволе был широко известен по всей стране. Прогремел он не только благодаря радикализму, поставившему на уши СМИ, а и тому, что давал результаты там, где их не было ни у кого. Посидев на привязи месяц-другой, наркоманы вопреки всем раскладам становились понятливыми и живыми.

Именно с деталями метода и желали ознакомиться авторы приглашения, вызывавшие Инженера как одного из его зачинателей.

Ехать на собрание не хотелось. Красивые басни о борьбе со злом могли обернуться элементарной подставой. Но не послать вместо себя информированного человека было нельзя. Его бы не поняли.

Он просмотрел бумаги, которые принес Фонарь. Иннокентий Светильников (наградил же Бог именем и фамилией), молодой еще раздолбай, выполнявший обязанности менеджера и охранника, в наркособытиях принимал участие, когда по возрасту ходил еще в юнгах. Его брат подсел на иглу, и с тех пор, еще пацаненком, он помогал отслеживать

наркопритоны. И был в курсе практически всех подробностей.

Доклад Фонаря начинался эпитафией: «Бандитом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Инженер хмыкнул. Помимо описания уральского почина доклад изобиловал метафорами на антинаркоманскую тему. Доклад ему нравился, хотя заносило в нем Фонаря капитально. Как и по жизни – в шпингалетстве не закончив и восьмилетку, тот после нескольких лет в Петербурге записался в вечернюю школу и исправно посещал ее. Самое поразительное, что потом этот Пушкин-бля-Лермонтов собирался поступать куда-то еще. Такой вот под боком подрастал романтик с большой дороги.

Но теперь и Фонарь, и доклад становились без надобности. С утра пришла весть, означавшая, что сибирской затее настал капут. Адресат сообщал, что участников сургутского схода задержали вскоре после его закрытия. И большинство из них оказались под следствием по самым разным делам.

Это Инженер уже проходил. Насколько все предсказуемо, можно было и не гадавать. То, что аресты связаны с обсуждаемой темой, было очевидно.

Захотелось выпить. Он выбрался из-за стола и подошел к бару в углу кабинета. Зеркало за бутылками отразило жесткое, чуть угловатое лицо. Старею, подумал он. Выбрал начатую бутылку виски. Последнее время ему нравился именно этот напиток, вопреки разговорам об узнаваемом привкусе,

ассоциируемым с самогоном. Стал открывать и передумал.

За упокой хорошего дела стоило выпить водки. Он взял с полки бутылку «Столичной». Наполнил рюмку и неожиданно для себя произнес:

– Ну что, профессор, поговорим.

Тимченко, взъерепенившийся не по делу, разозлил до крайности.

И вместе с тем старик вызывал уважение. На него, как на блаженного, не очень-то хотелось и обижаться. Скорее наоборот, вместо злобы усиливалось желание поговорить – нормально, без ругани. Объяснить, что еще несколько лет таких конфронтаций, и от старика и его начальства разбегутся все, кто чего-то стоит. Лучшие за границу, остальные, намаившись, сменят работу. Пойдут все равно куда, лишь бы платили по-человечески. Будут пристраиваться, зарабатывать примитивными навыками, торгашами, а в прежнее состояние возвращаться только в воспоминаниях.

Продолжать логическую цепочку желания не было. Что-то подсказывало, старика заклинило всерьез, и разговора не выйдет. Но еще одну попытку сделать хотелось. После исчезновения аспиранта подход к заинтриговавшей теме оставался только через профессора. Как и поиски самого Головина, который фактически испарился. Аспиранта искали по всем возможным каналам, но результатов не было.

Взяв телефон и бумажку с цифрами, он набрал номер про-

фессора. Вначале мобильный, потом домашний. Длинные гудки не прерывались – на том конце не брали трубку. Он позвонил Бригадиру.

За домом Тимченко лишь наблюдали. Другого задания не было – босс до сих пор пребывал в раздумье, и наблюдатели находились в режиме невнятного, а потому тягостного ожидания.

Действовать предстояло, если бы объявился Головин или похожий на него объект. Но никто даже близко напоминавший человека на фотографии не появлялся.

Тимченко с женой целый день были дома. Проходившие через парадную люди примелькались настолько, что их узнавали издали. В общем, все было привычно. С утра лишь подъехал мебельный фургон, грузчики пронесли коробки, а через какое-то время вернулись с пустой упаковкой, и грузовик укатил обратно.

Зазвонил мобильный. Бригадир, дремавший на пассажирском сидении, взял трубку.

– Да, слушаю. Дома сидит, не выходит.

Инженер (звонил он) ощутил в голове легкий щелчок. Что-то не складывалось.

– Перезвони ему пару раз. Если не ответит, справься у Серого и туда.

Бригадир набрал номер квартиры. Выждав десять звонков, нажал повтор. Теперь в голове щелкнуло и у него. Груз-

чки, – подумал он. – Коробки, мать их... как-то легко они их несли...

В памяти это отметилось, но лишь как зарубка о сноровистости работяг.

Пока он разбирался с сомнениями, пальцы уже набирали номер. Тот ответил сразу.

– Да.

– Серый, проверь, телефон у них не отключен? – он забыл о конспирации.

Ни черта у них не отключено. Ни за неуплату, ни случай-но, ни нарочно, никак. Бригадир выматерился.

Вместе с Линем и Фонарем они уже направлялись к парадной. Войдя, Бригадир нажал кнопку лифта, а попутчики припустили по лестнице.

Дверь в квартиру профессора оказалась не заперта.

Серый сидел в запыленном «фольксвагене» по другую сторону дома. Судя по происходящему, его работа закончилась. Трубку по отслеживаемым номерам не брали, и автоответчик молчал, так что любой разговор исключался. Он снял наушники. Микроавтобус, в котором он находился, называть машиной прослушки можно было с натяжкой. Скорей имитация для данного места и времени.

Что я здесь делаю... – подумал он.

Зазвонил мобильник. Из трубки донесся нетерпеливый голос.

– Давай сюда, срочно! Нужна твоя помощь...

Серый осторожно поинтересовался:

– Вы там же?

– Нет, наверху.

Он отсоединил наушники. Выключил запись, остальную технику и перебрался к водителю.

– Во двор, за аркой останови.

В квартире его ожидал Бригадир с Линем и декадентом, которого он раньше не видел. Длинноволосый парень, одетый в гимназистскую куртку, протянул носитель.

– Не получается.

Они прошли в кабинет. Серый подсоединил устройство к стоящему возле стола компьютеру. Побродив по папкам, везде обнаружил одно – вместо текстов и файлов сплошные египетские значки. Все стало ясно. Скачать информацию получится, но прочесть едва ли. Скорее всего, никогда. Сработала грубая и надежная программа.

Он отключил девайс, отсоединил шнур и двинулся к выходу, рассовывая все по карманам. И лишь после этого увидел оставшееся.

Бригадир с компанией вышли, но квартира не пустовала. Он повел взглядом в сторону. Медленно... слева направо.

Женщина лежала в дверях спальни. Лет семидесяти, не дышит... – зафиксировало сознание. Мужчина, примерно того же возраста, находился напротив, на полу у входа в го-

стиную. Откинув голову к косяку, он смотрел, не мигая, застывшим взглядом на женщину. По щеке его сползала слеза.

Серый тут же пошел к нему. Если человек плачет, он должен быть жив. Он несильно встряхнул старика, но тот не отреагировал. Пульс не прощупывался.

Он был мертв. Мертв, и все же плакал, глядя на лежащую перед ним женщину.

Этих двоих объединяло что-то, не уходящее даже после смерти.

– Вот так, значит... – он не знал, говорит это или думает. Говорить смысла не было.

Бригадир и его команда перешли теперь в другое измерение.

Как в руках оказалась фотография, он не помнил. На черно-белом фото эти же мужчина и женщина, только гораздо моложе, были сняты возле какой-то конструкции. Их лица светились наивной, и от этого чуть глуповатой радостью. Круглые очки на лице женщины в сочетании с всклокоченностью мужчины делали их смешными.

Он посмотрел на лежащих и снова на фотографию.

С головой что-то происходило. Непонятно, снаружи или внутри, он слышал зарождающийся гул. Не буквальный, а пульсирующий за глазами и дальше – далеко в пространстве.

Изменить случившееся было нельзя. Можно лишь реаги-

ровать.

Сколько прошло времени, пока исчезли галлюцинации, он не заметил, но они затихли где-то внутри, отзываясь невнятной болью.

Он положил фото в карман и направился к выходу.

Глава 6

Воспоминания кончились.

Андрей задумался и посмотрел вокруг. Солнце пекло, пытаясь сварить тех, кто был на воде, но никто пока озера не покидал. После цинично отпущенного леща атмосфера на соседних лодках была близка к истерической. Рыбаки шевелились, меняли насадку, снасти, позиции, направление, дальность заброса и шаманили как могли.

Но клевало только у чужака. И в этот раз необычно.

Из двух рыб, попадавшихся регулярно, Андрей не любил ни одну. Окуня, уверенно топящего поплавок, за то, что его невозможно было почистить. Чешуя его напоминала броню, справиться с которой мог лишь специалист по металлу. Плотва же, хватавшая жадно, но боязливо, оказалась элементарно невкусной. Как вел себя лещ, прежде чем выбраться из воды и довести до инфаркта соседей, он не заметил.

Сейчас тянуло по-новому – как будто пробуя, но уверенно и не комплексуя. Он посмотрел на соседей, глаза которых грозили вылезти из орбит. Сделав паузу, убедился, что поклевка не привиделась и продолжается, как ни в чем не бывало. И лишь после этого потянул. По тому, как ответили на том конце снасти, чувствовалось, что рыба серьезная. И, кажется, незнакомая. Можно порвать леску, вспомнил он, и стал подтягивать осторожней. Питаться картошкой

с консервами и прогорклой плотвой (окуней съедали жившие неподалеку коты) надоело порядком. Организм, устав от скудности пропитания, сам перестраивался под нужные навыки.

Рыба оказалась особенной. Затащив ее, он подумал, что поймал какую-то неведомую местную селедку. Но для сельди она была слишком крупной, да и та, по слухам, водилась исключительно в море. Подняв рыбину, он начал осматривать ее с разных сторон.

Сзади негромко затарахтело. Чешуя добычи в отличие от селедочной была более плотной, как и сама она. Звук мотора деликатно приблизился. Похоже, кто-то собрался разделить с ним радость рыбацкой удачи. Моторка подошла вплотную. Андрей, не выпуская рыбу из рук, оглянулся. На него восхищенно смотрели три пары глаз – двух инспекторов рыбоохраны и человека в погонах.

Точнее, глаз было больше.

В области шла операция «Чистые руки». Поиск оборотней развернулся так широко, что захватил забытую всеми охрану природы. Рыбнадзор перестал дремать и зашевелился.

Инспектора, впечатленные умилительным по наивности браконьерством, были предупреждены. Они знали, что с берега за их действиями наблюдают люди из города. Уровень проверки ожидался высокий, предполагая любую подставу, от засланных браконьеров до аквалангистов с рыбами

из Красной книги.

Нарушение было как раз таким – явно пришлый урод (нарушитель природы) в сомнительной лодке поймал никому не известную рыбу. И демонстративно показывал ее всему миру. То, что его снимают с берега, ясно было любому.

Случай обязывал. После того, как в число оборотней попал генерал МЧС, их искали повсюду. Приозерский район трясло уже две недели: кончался квартал, а регион не выполнил плана по оборотням среди дополнительных служб. Подвоха ожидали все, от пожарных до егерей, и никому не хотелось быть крайними.

Опасность сближает. Инспектора с участковым были и так не разлей вода, и отметили вместе не одну путину. Союз этот существовал давно и поддерживал местную экосистему в том равновесии, понять которое человеку пришлому было сложно. Правильность его выкристаллизовывалась годами, традициями и мегалитрами. Браконьеров хватали лишь откровенно зарвавшихся и чужаков, а в отношениях между инструкциями и природой знали свой справедливый толк.

Алгоритм был один – давать жить людям и рыбе. Теперь этому равновесию грозил наступить каюк. Очередная затея властей, неумных в охоте на стрелочников, требовала осторожности. Причем в каждую сторону.

Протокол оформили по всем правилам. Участники операции, взмокшие от напряжения, старались блюсти все что только можно – букву закона, знание казуистских азов охра-

ны природы и даже такую диковинность, как права человека. Денег у нарушителя, естественно, не было. Его этапировали до берега, а там, вопреки традициям, отвезли не в ближайший лесок или отделение для остратки, а сработали на камеру – стали вежливо разбираться у кромки воды. Для инспекторов и участкового ситуация оставалась тонкой. Чтобы не проколоться, требовалось довести операцию до конца, не попортив шкуры засланца. Бдительно, но корректно поглядывая на пришельца, косящего под простака, оформили все обличительные документы и зафиксировали пойманную добычу.

Подвела Соколова жадность. Студентов, даже бывших, согласных платить хоть какой-то штраф, в природе не существует. Максимум, чего без насилия можно добиться от неуча – обещания заплатить со стипендии – и места, где эту стипендию выдают.

Так и случилось.

Применять насилие к нарушителю не пришлось. Ограничились только адресом, который он продиктовал. Это был адрес Технического университета. Составленный по всем правилам счет на оплату пошел по инстанциям.

На имя аспиранта Головина.

«Чистые руки» закончились. Обмыв с инспекторами завершение операции, участковый решил заглянуть по пути домой на опорный пункт. Хотелось проверить то, чего он сам

еще толком не понял. Попроси его кто-нибудь озвучить сомнения, зародившиеся на берегу, в ответ услышал бы паузы с междометиями и пробивающийся между ними ненорматив. Участковый шел, что-то себе наборматывал, останавливался, говорил себе «ерудня» или близкое по духу слово и шел дальше. С нарушителем, документами и вообще всей историей было что-то неправильное.

Подстава, – думал он, пытаюсь открыть дверь кабинета, – точно подстава. Прежде всего смущала фотография в документе, на которую браконьер был не очень похож. И не только она. Замок, заедавший полгода, поддавался не сразу. Участковый пообещал ему смертную казнь, погрозил кулаком и победил. Вошел, бросил на стол фуражку и взял телефонный справочник. Покопавшись, нашел номер нужного университета. Прежде чем позвонить, попытался еще раз понять причину, по которой он это делает. Причина не понималась.

После нескольких длинных гудков на другом конце провода ему подтвердили, что аспирант по данному месту есть и недавно оформил отпуск.

Все равно подстава, – подумал старлей.

Как устроена информационная сеть криминала, до конца не ясно. Но работает она исправней других. Сбоев не бывает даже в следственных изоляторах – сидящие в камерах в считанные часы знают все, что им нужно: от котировок на бирже

до новостей Большого театра. Это данность, с которой лучше считаться. Насколько у этой формы жизни налажена информация на воле, говорить не приходится.

О поимке на озере браконьера Головина Инженер узнал к вечеру. На раздумье ушли минуты.

Тянуть с полученной вестью не стоило. После случая на квартире профессора было ясно – на хвосте висел кто-то еще, и этот кто-то не склонен к паузам. А потому не медлили – Бригадир с командой уже находились в дороге.

Успевали за полночь. Брать беглеца решено было рано утром.

Путь до озера Андрей выучил наизусть. Машин на дороге не было, поэтому он не держался обочины. В полутора километрах дорога сворачивала, и дальше тележку с лодкой приходилось нести на себе. С некоторых пор его это не удручало. Именно там, с появлением очевидного неудобства, природа менялась, словно переходя в другую реальность. Дорога шла по обычной местности, состоявшей из поворотов, пожухлой травы и кустарника с перелесками. И вдруг начинался бор – высоченные сосны, под которыми рос изумрудно-зеленый мох. На входе в него перехватывало дыхание, настолько озоновым был воздух. Да и все вокруг выглядело, чего уж там, настоящей фантастикой. Первые минуты организм приходил в себя, чтобы переключиться в новый, более наполненный кислородом режим. Атмосфера и вся среда здесь

были насыщенной, чем где бы то ни было.

То, в чем он не хотел себе признаваться, лежало в области чувств. Он начинал понимать, что ему здесь нравится.

Даже сейчас. Мысли в общем-то были далеки от маршрута. Срок появления Паганеля прошел, как и армейский призыв, сделавший его нелегалом. Пора было что-то решать, но делать этого не очень-то и хотелось.

Звука мотора он почти не услышал. Джип, идущий на повышенной скорости, появился из-за спины. Черное чудище едва не выбило тележку из рук, проскочило с пару десятков метров и начало тормозить.

Андрей остановился. Джип маячил по курсу и выглядел откровенно чужим. Приближаться к нему не хотелось. Он не видел сквозь затемненные стекла, что происходит внутри, но понимал, что оттуда на него смотрят

Человек и машина стояли на расстоянии двадцати с лишним метров и молча рассматривали друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.